

И
114
—
13

V.
699.

ПЕТРЪ
ВЕЛИКІИ
НА
БЕРЕГАХЪ
ПРСТА

10812
F

2007044050

21114
13

фр. 344157 699

~~[Некульге, 4]~~

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

VIII

НА БЕРЕГАХЪ ПРУТА (*).

10 $\frac{11}{4}$ 48

ГЛАВА I.

Потоцкій въ Константинополѣ. Бальтаджи, Великій Визирь. Россійскій Посолъ въ Семибашенномъ замкѣ. Письмо Ахмеда III къ Карлу XII. Милліе, произнесенное двумя Шведами о Русскихъ. Татарскій Ханъ въ Царьградѣ. Кантемиръ, Молдавскій Князь (Господарь).

Послѣ свиданія съ Петромъ Великимъ въ Торнѣ, Августъ II началъ принимать строгія мѣры противъ Поляковъ, взявшихъ сторону Карла XII и

(*) Съ самой отдаленной древности до нашихъ временъ, Молдавія и Валахія были театромъ важнѣйшихъ событій Восточной Европы: не говоря о древнихъ народахъ, Турки, Русскіе, Австрійцы, Поляки и Венгерцы не разъ рѣшали споры свои въ этихъ странахъ, а потому Лѣтописи туземцевъ должны имѣть важный историческій интересъ. Къ сожалѣнію, Лѣтописи эти остаются до сихъ поръ болѣею частью неизвѣстными не только иностранцамъ, но и самимъ Молдаванамъ и Волохамъ. Молдавскій Литераторъ Когольничанъ, занимаясь ревностно отечественною Исторіею, началъ собирать рукописи, разбросанныя въ бібліотекахъ монастырей и цѣлаторыхъ частныхъ лицъ. Послѣ многолѣт-

Станислава Лещинскаго. Кавалерійскому Офицеру Смигельскому удалось арестовать Кіевскаго Воеводу, Іосифа Потоцкаго, одного изъ сильнѣйшихъ враговъ Короля; но этотъ Воевода, давъ Смигельскому обѣщаніе выдать за него въ замужство дочь свою, успѣлъ привлечь его на свою сторону и оба они начали беспокоить Россійско-Польскія войска пар-

нихъ трудовъ, употребленныхъ на отысканіе Лѣтописей и на исправленіе ошибокъ, вкрапившихся по невѣжеству переписчиковъ, Г. Когольничанъ издалъ, въ 1844 году, отрывки изъ этихъ Лѣтописей, относящіеся къ началу XVIII столѣтія, — одной изъ занимательнѣйшихъ эпохъ въ Исторіи. «Въ это время» — говоритъ онъ въ предисловіи своемъ — «сходились на Молдавской землѣ самыя замѣчательнѣйшія люди своего столѣтія: Великій Петръ, Карлъ XII и Станиславъ Лещинскій, а за ними Потоцкій, Мазепа, Константинъ Бранкованъ и Димитрій Кантемиръ. Эти рассказы, писанные не Учеными, а очевидцами, находившимися на полѣ сраженія, принимавшими участіе въ Совѣтахъ, однимъ словомъ, содѣйствовавшими всему, что они описываютъ, имѣютъ истинно драматическій интересъ. Какой Историкъ въ этомъ отношеніи можетъ имѣть преимущество предъ Іоанномъ Некульче, Николаемъ Костиномъ, Аксентіемъ и другими?»

Чтобы познакомить читателей съ книгою Г. Когольничана, изданною на Французскомъ языкѣ, мы избрали рассказъ Гетмана Іоанна Некульче о кампаніи Петра Великаго на берегахъ Прута. Буквально слѣдуя этому рассказу, мы укажемъ въ примѣчаніяхъ на тѣ мѣста, которыя не совсѣмъ согласны съ Лѣтописью современника Некульче, Великаго Логовета (*) Николая Костина.

По мнѣнію Г. Когольничана, описаніе этого похода есть занимательнѣйшая часть Молдавскихъ Лѣтописей. «Это важное событіе» — говоритъ онъ — «было доселѣ представляемо намъ въ ложномъ свѣтѣ. Кто изъ Писателей Французскихъ, Нѣмецкихъ, Шведскихъ и даже Русскихъ не описываетъ Петра умоляющимъ Визиря Бальтаджи о мирѣ и выкупающимъ наконецъ его драгоценными вещами Екате-
ри-

(*) Главнѣйшій гражданскій чинъ въ Молдавіи.

тизанскою войною. Петръ Великій послалъ противъ Потоцкаго сильный отрядъ. Побѣжденный, всюду преслѣдуемый и доведенный до послѣдней крайности, Потоцкій покинулъ Польшу и удалился въ Трансильванію; но и тамъ Король, которому онъ измѣнилъ, не оставилъ его въ покоѣ; вскорѣ былъ онъ принужденъ искать новаго прибѣжища. Онъ бросился въ Карпатскія горы, достигъ Молдавіи не болѣе какъ съ тремястами человѣкъ, спустился вдоль по Сирету и прибылъ въ Яссы, гдѣ Молдавскій Князь Николай Маврокордато принялъ его со всѣми почестями, приличными его сану (*). Чрезъ

ны и деньгами, собранными съ своихъ Офицеровъ? Наши же Лѣтописцы, единогласно и безъ различія партій, доказываютъ намъ, что Великій Императоръ, не смотря на опасность положенія своего, не дѣлалъ никогда предложеній, недостойныхъ его; что армія его вполне сохранила грозный видъ, и что не Петръ, а напротивъ Визирь первый просилъ мира». Обстоятельства этого достаточно, чтобы обратить вниманіе читателей на предлагаемый занимательный отрывокъ изъ Молдавскихъ Лѣтописей.

(*) Николай Костинъ описываетъ подробности пребываніе Іосифа Потоцкаго въ Молдавіи: «Воевода Іосифъ Потоцкій»—говоритъ онъ—«вошелъ неожиданно изъ Трансильваніи въ Молдавію чрезъ Кампулунгъ-Руссекъ. Оставивъ въ Черновцахъ свое войско, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, онъ прибылъ въ Яссы, въ сопровожденіи Грузинскаго, Старосты Равы и нѣсколькихъ Офицеровъ и солдатъ, всего до сорока человѣкъ. Князь Молдавскій, узнавъ о пріѣздѣ его въ городъ, оказалъ ему самый лестный пріемъ, прислалъ ему все потребное для него и для свиты, и отправилъ къ нему для засвидѣтельствованія поклона Ворника Николая Костина, знавшаго Польскій языкъ. На другой день, Потоцкій верхомъ на лошади Турецкой породы, великолѣпно убранной, въ сопровожденіи двухъ Офицеровъ своихъ, имѣвшихъ также прекрасныхъ лошадей, и предшествуемый дворцовыми Сейменами и Нейками, отправился съ визитомъ къ Князю.

четыре дня Воевода выѣхалъ въ Бендеры къ Шведскому Королю, который поспѣшилъ отправить его въ Царьградъ, дабы привести тамъ въ исполненіе свои замыслы. Потоцкій пробылъ въ Турецкой столицѣ 40 дней и употреблялъ тамъ всевозможныя стара-

Въ большой залъ дворца приготовлены были для Кіевскаго Воеводы кресла, по лѣвую сторону княжескаго трона. Николай Маврокордато вышелъ къ нему на встрѣчу до самой спатаріи (обыкновенная тронная зала) и проводилъ его до креселъ, которыя ему были предназначены въ большой залъ. Кіевскій Воевода первый обратилъ рѣчь по Латыни къ Молдавскому Князю, который отвѣчалъ ему на томъ же языкѣ. Всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ свиданіи весьма занимала рѣчь Маврокордато, который, отвѣчая Потоцкому, выражался избранными словами. Свита скоро удалилась въ другіе покои, а Николай Маврокордато, Іосифъ Потоцкій и Грузинскій остались одни для тайныхъ переговоровъ. По окончаніи свиданія, Кіевскій Воевода получилъ тѣ же почести, какъ при началѣ; Князь проводилъ его до спатаріи, и весь Дворъ сопровождалъ его до самаго дома.

«На четвертый день по приѣздѣ своемъ въ Яссы, получивъ депеши изъ Бендеръ, чрезъ Турецкаго Агу и курьера, нарочно присланныхъ Карломъ XII, Потоцкій отправился къ Шведскому Королю, оставивъ въ Молдавіи три тысячи Поляковъ и Литовцевъ, которые причинили много бѣдствій несчастнымъ жителямъ. При отъѣздѣ своемъ Воевода просилъ Маврокордато одолжить ему нѣкоторую сумму денегъ, или доставить ему тысячу воловъ, для прокормленія солдатъ, претерпѣвавшихъ голодъ; онъ обѣщалъ возвратить непременно, по приѣздѣ своемъ въ Бендеры, или деньги, которыя получить, или цѣну рогатаго скота. Князь не могъ удовлетворить этой просьбѣ, потому что Молдавія страдала въ то время отъ голода, и къ тому же онъ не имѣлъ по этому предмету никакихъ приказаній отъ Порты. Этотъ отказъ былъ причиною ненависти Потоцкаго къ Маврокордато.

«Три тысячи воиновъ, оставшіяся въ Молдавіи, провели тамъ все лѣто и осень въ хижинахъ, которыя они себѣ вы-

нія побудить Порту къ объявленію войны Россіи. Великій Визирь Али-Чорли противился этому: но Султанъ, узнавъ отъ Кіевскаго Воеводы, что сила Россіи увеличивается со дня на день, отрёшиль какъ Али-Чорли, такъ и Юсуфа, Бендерскаго Па-

строили въ долинахъ Карлигатурскаго цыгута (Уѣзда). По причинѣ ихъ пребыванія, жители этого Уѣзда лишились воловъ, коровъ, покосовъ и хлѣба: потому что лошади выпущены были на свободу и попортили бѣольшую часть посѣвовъ. Въ этомъ Уѣздѣ не осталось и рыбы въ прудахъ. Какъ справедливое наказаніе за преступленія этихъ иностранцевъ, появилась между ими повальная болѣзнь; но, не смотря на то, обнаруживали себя они всегда неблагодарными за гостеприимство, которое было имъ оказано столь великодушно. Князь Николай Маврокордато увѣдомилъ наконецъ Высокую Порту о всѣхъ безпорядкахъ, увеличивавшихся со дня на день. Поляки, вопреки всѣмъ увѣщаніямъ, осмѣлились вступить въ городъ Яссы; они посѣщали тамъ кабаки, шатались по улицамъ въ пьяномъ видѣ, и обнаженными саблями били бѣдныхъ жителей, нѣкоторыхъ даже умерщвляли. Суды были ежедневно наполнены несчастными ранеными, которые, рыдая, жаловались и требовали удовлетворенія. Князь всячески старался защищать туземцевъ. Судья Польской арміи прибылъ въ Яссы для рѣшенія споровъ между Поляками и Молдаванами; Князь, съ своей стороны, назначилъ для сего Николая Костина. Всѣ надѣлились, что эта мѣра положить предѣлъ безпорядкамъ; но ожиданіе было тщетно. Напротивъ того, распри и убійства усилились; надобно было имѣть дѣло съ наемщиками, преданными пьянству, привычными къ насилію и грабежу, и не имѣвшими никакого понятія о дисциплинѣ. Николай Маврокордато, видя, что зло увеличивается, приказалъ наконецъ вооружиться своими солдатамъ и Яскимъ гражданамъ, и отражать силу силою; онъ приказалъ Гетману объѣхать лично городъ, и наказати безъ дальнѣйшаго разбора всѣхъ нарушителей общественнаго спокойствія. Поляки были въ свою очередь биты и притѣсняемы Молдаванами. Староста Равы, Грузинскій, который оставался въ Яссахъ, человекъ сумазбродный и заво-

шу, которые настаивали на сохраненіи мира съ Императоромъ Петромъ, и назначилъ Нумана Кеприли-Пашу Великимъ Визиремъ. Сановникъ этотъ не долго имѣлъ въ рукахъ своихъ бразды правленія. Не будучи корыстолюбивымъ, любя справедливость и древніе обычаи, онъ скоро наскучилъ Ахмеду III, который, по истеченіи двухъ мѣсяцевъ, удалилъ его, назначивъ на мѣсто его Мехемеда Бальтаджи-Пашу, уже прежде занимавшаго постъ Великаго Визиря.

Новый Визирь тотчасъ пригласилъ (въ Ноябрь 1710) въ Царьградъ Хана Татарскаго, далъ ему нужныя наставленія для открытія кампаніи, нарушилъ миръ съ Россіею, установилъ сборъ войскъ на всемъ пространствѣ Имперіи и заключилъ въ Семибашенный замокъ Россійскаго Посла, Толстаго.

Тогда-то Султанъ написалъ Шведскому Королю письмо, полное увѣреній, что никогда его не покинетъ, что употребитъ всевозможные способы къ примиренію его съ Россіею, и возвратитъ ему всѣ взятые у него провинціи; что, въ случаѣ отказа Петра Великаго принять миръ и возвратитъ ему все у него отнятое, онъ обязуется идти лично на Россію со всѣми военными силами Турціи и дать въ распоряженіе Короля войско, какое онъ захочетъ, для сопровожденія его въ его владѣнія.

счивый, видя, что соотечественники его терпятъ перевѣсъ, жаловался на то нѣсколько разъ Кіевскому Воеводѣ, находившемуся въ Бендерахъ, говоря, что Молдавскій Князь самъ принялъ всѣ эти мѣры противъ Поляковъ. Потоцкій сообщилъ эти донесенія Карлу XII, который съ того времени возненавидѣлъ Николая Маврокордато».

Чтобы дать болѣе вѣса этимъ обѣщаніямъ, Ахмедъ III послалъ Карлу XII въ подарокъ пятьсотъ мѣшковъ золота. Одинъ изъ высокихъ Чиновниковъ Порты провожалъ до Бендеръ Кіевскаго Воеводу, которому поручено было передать Карлу XII письмо и деньги. Вмѣстѣ съ симъ данъ былъ Николаю Маврокордато фирманъ, которымъ приказано было ему Шведскія и Польскія войска, бывшія въ Молдавіи и въ Бендерахъ, обильно снабдить рогатымъ скотомъ, хлѣбомъ, мукою, ячменемъ, сыромъ и сѣномъ. Явившись къ Карлу XII, Кіевскій Воевода вручилъ ему деньги и письмо Султана. Король былъ внѣ себя отъ радости; въ восторгѣ своемъ, онъ носилъ постоянно письмо на груди.

Черезъ того же посланнаго Великій Визирь требовалъ отъ Шведскаго Короля присылки довѣреннаго и способнаго человѣка, дабы посовѣтоваться съ нимъ на счетъ мѣръ, необходимыхъ для успешнаго открытія наступающаго похода. По пріѣздѣ Шведскаго посланнаго въ Царьградъ, Великій Визирь спросилъ его, каковъ народъ Русскій и какую тактику употребляютъ они въ войнѣ? Посланный отвѣчалъ ему, что Русскіе ни къ чему не годны и весьма малодушны. «Если это справедливо» — возразилъ Визирь — «то вы, Шведы, совершенно глупы, потому что были разбиты такими людьми».

Этотъ посланный сказалъ, между прочимъ, Визирю, что Валахи преданы Русскимъ, и что они открываютъ Петру Великому всѣ тайны Высокой Порты. Визирь опять смутилъ его, отвѣтивъ ему: «Все, что ты мнѣ говоришь, весьма хорошо, потому что Валахамъ нечего дурнаго открывать о насъ».

Мы никого не боимся; наши войска сильны и многочисленны; наши пушки страшны, наша сила велика; а потому мы и не считаемъ нужнымъ дѣлать приготовленія втайнѣ. Напротивъ, всякій разъ, когда мы намѣрены объявить войну одному изъ нашихъ сосѣдей, мы предъувѣдомляемъ его за полгода о нашемъ намѣреніи. Итакъ, если Валахи доносятъ, что мы имѣемъ большія арміи, страшныя пушки, что мы хотимъ вести войну, то пусть это они дѣлаютъ сколько имъ угодно». Смущенный Шведъ возвратился въ Бендеры. Великій Визирь снова обратился къ Королю съ требованіемъ прислать ему человѣка разсудительнѣе перваго, котораго рѣчь показалась ему непонятною. Новый посланный былъ отличный Офицеръ; онъ выразилъ совершенно другое мнѣніе о Россійскомъ войскѣ. «Русская пѣхота» — сказалъ онъ Визирю — «весьма сильна и лучше, чѣмъ у другихъ націй; она тверда и непоколебима, какъ стѣна. Если мы, Шведы, не могли ничего противъ нея сдѣлать, то тѣмъ менѣе другія націи будутъ въ состояніи ее разбить. Я полагаю, что для сраженія съ нею надобно имѣть по крайней мѣрѣ 500 пушекъ; только сильною артилеріею можно смять Русскую пѣхоту, первую въ Европѣ. Это, по мнѣнію моему, единственный способъ побѣдить ее. Конница Русская слабѣе». Визирь послушался совѣта Шведскаго Офицера и приказалъ дѣлать сообразно тому приготовленія къ походу. Крымскій Ханъ былъ того же мнѣнія; но онъ присовокупилъ, что, когда рѣки замерзнутъ, весьма полезно было бы подвинуть двѣ большія Татарскія арміи въ непріятельскую землю: одну от-

править изъ Буджака съ войскомъ Кіевскаго Воеводы чрезъ Украину на Кіевъ; другую, подъ личнымъ его начальствомъ, — вдоль по Дону на Воронежъ, дабы предать пламени находящіеся тамъ Русскія суда, и оттуда идти на соединеніе съ Оттоманскими войсками. Мнѣніе Хаана было совершенно одобрено Султаномъ.

Между тѣмъ какъ всѣ эти приготовленія къ войнѣ дѣлались въ Оттоманской столицѣ, Димитрій Кантемиръ, братъ бывшаго Воеводы, успѣлъ привлечь къ себѣ расположеніе Татарскаго Хаана. Желая непременно доставить Кантемиру Молдавскій престолъ, Ханъ отправился къ Султану, и въ полномъ собраніи Совѣта сказалъ ему: «Бранкованъ весьма богатый и сильный Князь; у него много войска, и онъ издавна преданный другъ Русскихъ. Неосторожно въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ оставить въ рукахъ его столь сильное Княжество, которое легко можетъ дать перевѣсъ на сторону нашихъ непріятелей. Онъ ежеминутно можетъ намъ измѣнить и помѣшать успѣху нашего оружія. Итакъ надобно его захватить, потому что добровольно не захочетъ онъ прибыть въ Константинополь. Только Бейзаде (*) Димитрій Кантемиръ въ состояніи исполнить это дѣло, и для того назначьте его Молдавскимъ Княземъ. Николай Маврокордато, нынѣ управляющій Княжествомъ, не способенъ достигнуть этой цѣли. Съ человекомъ, не имѣющимъ моей довѣренности, не

(*) Сыновья Господарей носятъ въ Молдавіи и Валахіи титулъ: *Бейзаде*.

могу я имѣть сношеній по важнымъ дѣламъ». Такимъ образомъ Димитрій Кантемиръ былъ провозглашенъ Молдавскимъ Княземъ (23 Ноября 1710), съ обѣщаніемъ, что, — въ случаѣ, если ему удастся захватить Бракована, — получить онъ въ награду Валахскій престолъ (*).

(*) Великій Логоветъ Николай Костинъ не упоминаетъ объ этомъ обѣщаніи, данномъ Портою Кантемиру. Онъ говоритъ только, что Николай Маврокордато, зная ненависть, питаемую къ нему Ханомъ Татарскимъ, и предвидя бѣдствія, которыя постигли бы Молдавію въ предстоявшей войнѣ, предпочелъ скорѣе отказаться отъ престола, чѣмъ измѣнить своему законному Государю, или сражаться противъ своихъ единовѣрцевъ. Димитрій Кантемиръ, въ своей Исторіи Османской Имперіи, описываетъ слѣдующимъ образомъ предшествовавшія войнѣ происшествія.

«Вездѣ раздавался шумъ войны при новомъ Визирѣ (Бальтаджи Мегеметѣ); повсюду набирались войска и дѣлались большія приготовленія къ скорѣйшему открытію кампаніи.

«Венеціянцы встревожились, и, не вѣдая еще назначенія всѣхъ этихъ приготовленій, боялись, чтобы цѣлью ихъ не была Морея. Они сыпали золото и дорогіе подарки Муфтію и другимъ Сановникамъ; между тѣмъ какъ Посланникъ Царя, полагаясь на недавно еще возобновленный миръ, не принималъ предосторожностей противъ бури: онъ не видѣлъ необходимости платить за то, что мирный договоръ утверждалъ торжественно. Поведеніе это считалось скряжничествомъ при Дворѣ, алкавшемъ подарковъ. Визирь ничего не щадилъ; онъ вызвалъ Крымскаго Хана въ мѣсяцъ Шевалъ 1122 года, т. е. въ Ноябрѣ 1710, и въ Совѣтъ съ прочими Кубе-Визирями, положено было, согласно желанію Султана, напасть на Царя: въ слѣдствіе сего по всей Имперіи разосланы были приказы набирать войско для новаго похода. Посланникъ Царя былъ арестованъ и заключенъ въ Семибашенный замокъ; все имущество его было конфисковано; его даже приговорили къ смерти, какъ преступника, и приговоръ этотъ, явно нарушавшій народное право, былъ бы приведенъ въ исполненіе (таковъ былъ

Г Л А В А II.

Начало военных дѣйствій. Движеніе Императора. Договоръ съ Кантемиромъ. Шереметевъ въ Чучоръ. Молдавское войско. Императоръ въ Яссахъ. Ахмедъ III предлагаетъ миръ. Пзмьна Бранкована. Оома Кантакузинъ. Праздникъ, данный Молдавскимъ Боярамъ.

Крымскій Ханъ, Девлетъ-Гирей, сдержалъ слово, Вскорѣ послѣ праздника Крещенія (6 Генваря 1741) двинулся онъ съ своими Татарами, и проникнулъ въ Россію, вдоль по Дону до Харькова, грабя

гивъ Султана), если бы Визирь не успѣлъ убѣдить его, что этимъ поступкомъ причинить онъ себѣ большой вредъ, и что это будетъ неизгладимымъ пятномъ въ его царствованіи.

«Въ то же время Ахмедъ далъ Шведскому Королю, въ видѣ займа, пятьсотъ мѣшковъ и прислалъ изъ Султанскихъ конюшенъ тридцать шесть прекрасныхъ лошадей, изъ коихъ нѣкоторыя были со збруею, — не говоря о множествѣ другихъ подарковъ, достойныхъ Монарха, который ихъ предлагалъ, и того, кому они были назначены; все это сопровождалось увѣреніемъ въ покровительствѣ Порты.

«Между тѣмъ Константинъ Бранкованъ, Валахскій Князь, обвиненъ Мазепою въ томъ, что ведетъ тайную переписку съ Царемъ, и совѣтуется съ нимъ на счетъ мѣръ въ избавленію себя отъ Оттоманскаго владычества; онъ уже получилъ, говорилъ Мазепа, Орденъ Св. Андрея въ слѣдствіе этого союза; онъ обѣщалъ Русскимъ тридцать тысячъ воиновъ и аммуницію на нѣсколько лѣтъ, въ случаѣ, если они войдутъ въ Молдавію. Многіе Пашаи подтверждали это обвиненіе, такъ что Ахмедъ началъ думать, какъ бы, прежде объявленія войны, избавиться отъ домашняго врага и предупредить рану, открывавшуюся въ нѣдрахъ Имперіи.

и разоряя все, что попадалось ему на пути; но онъ не могъ ни овладѣть судами въ Воронежѣ, ни достигнуть Кіева. Опрокинутый Русскими въ нѣсколькихъ стычкахъ, онъ принужденъ былъ съ потерей возвратиться въ Крымъ. Буджакскій Султанъ и Кіевскій Воевода не были счастливыѣ. Оставивъ съ

«Весьма трудно было арестовать Бранкована, власть и могущество котораго были весьма значительны и уважаемы. Султанъ поручилъ Крымскому Хану и Визирю обсудить это дѣло, и донести ему, что, по ихъ мнѣнію, надлежитъ дѣлать. Ханъ считалъ неудобнымъ напасть прямо и открыто на Бранкована; онъ полагалъ удобнѣе уловить его въ сѣти чрезъ Молдавскаго Князя, его сосѣда. Тогдашній Господарь казался не совсѣмъ способнымъ для такого щекотливаго предмета. Ханъ предложилъ дать въ Князя Молдаванамъ Дмитрія Кантемира, который явилъ достаточныя доказательства своей вѣрности какъ во время мира, такъ и во время войны.

«Это мнѣніе было одобрено. Султанъ, свергнувъ Николая Маврокордато, назначилъ на его мѣсто Кантемира, съ титуломъ Князя Молдавіи, но въ дѣйствительности въ качествѣ Князя Валахіи. Пожаловавъ ему горностаевую шубу въ Шевалѣ мѣсяцѣ 1122 года (въ Ноябрь 1710), онъ послалъ его въ Молдавію, съ приказомъ захватить Бранкована подъ какимъ бы то ни было предлогомъ и доставить его Портѣ живаго или мертваго. Кантемиръ получилъ званіе Князя Валахіи, съ тѣмъ чтобы вступить въ управленіе этимъ Княжествомъ, когда онъ захватитъ Бранкована; ему предоставлено было тогда избрать другаго Князя для Молдавіи, съ утвержденіемъ Порты. Для одобренія его въ такомъ предпріятіи, Султанъ обѣщалъ, что Княжество его останется въ его пользу, и что пока онъ въ Молдавіи, избавленъ будетъ отъ платежа всякой подати и пекниша (подарковъ). Дабы доставить Князю Кантемиру болѣе способнъ къ исполненію даннаго ему приказанія, повелѣно было Татарскому Хану прислать ему безъ малѣйшаго замедленія столько войска, сколько онъ потребуеть.

войсками своими Бендеры, они перешли Днѣстръ, вошли въ Украину и опустошили всю страну, простирающуюся до Немирова и почти до Кіева. При наступленіи непріятеля, Россійскія войска, оберегавшія границы, отступили въ Ушину, въ Подолье, гдѣ находился ихъ Фельдмаршалъ (Шереметевъ), ожидая Императорскаго Указа идти на непріятеля, открывшаго уже военныя дѣйствія.

Адамъ Сиявскій, командовавшій Польскимъ войскомъ, предвидя, что приказъ объ открытіи военныхъ дѣйствій противъ Татаръ придетъ слишкомъ поздно, совѣтовалъ Русскому Генералу не ожидать его и силою выгнать непріятелей, опустошавшихъ страну. Тридцать ротъ Польскихъ присо-

«Обѣщанія Оттоманскаго Двора были прекрасны. Кантемиръ, снабженный хати-шерифомъ, отправился въ концѣ Ноября въ Молдавію съ Татарскимъ Ханомъ. Едва онъ туда прибылъ, какъ получилъ отъ Османа Аги-Кыгаія, Великаго Визиря, письма, которыми ему приказывалось безъ замедленія послать Султану и Великому Визирю обыкновенный пекшишъ, по случаю счастливаго восшествія его на Княжескій престолъ. Выѣстъ съ тѣмъ ему повелѣно было: набрать всякаго рода провіанта для Турецкой арміи, которая вскорѣ должна была прійти; окончить въ наискорѣйшемъ времени постройку моста, уже начатаго; снабдить зимними квартирами Шведовъ и Казаковъ, сопровождавшихъ Шведскаго Короля, и наконецъ выйти лично въ походъ, по направлению къ Бендерамъ ко дню Св. Георгія (23 Апрѣля).

«Такое нарушеніе обѣщаній, и множество другихъ повинностей, требовавшихся отъ Кантемира, дали попятъ сему Князю, сколь мало долженъ онъ полагаться на невѣрныхъ. Не находя въ нихъ праводушія, онъ рѣшился предаться Монарху, который вполне обладалъ этимъ качествомъ; такимъ образомъ онъ предложилъ Московскому Царю себя и свое Княжество (Ист. Отт. Имп. Т. IV, стр. 417)».

единились къ Русскимъ войскамъ и выступили вмѣстѣ противъ Буджакскаго Султана и Кіевскаго Воеводы, которые послѣ краткаго сопротивленія отступили въ Буджакъ (*).

(*) Николай Костинъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей объ этомъ нашествіи Татаръ.

«Войско Іосифа Потоцкаго, состоявшее изъ трехъ тысячъ Поляковъ, Литовцевъ, Татаръ и Казаковъ, расположилось въ Яссахъ на зимовку, подъ начальствомъ Грузинскаго Старосты Равы; всѣ издержки на ихъ содержаніе пали на счетъ края. Такъ какъ въ казнѣ былъ большой недостатокъ въ деньгахъ, то, по приказанію новаго Молдавскаго Князя Димитрія Кантемира, прибывшаго въ столицу 10 Декабря 1710, Бояре сдѣлали заемъ у Турецкихъ купцовъ на содержаніе того войска, которое, въ продолженіе всего пребыванія своего въ городѣ, причинило всякаго рода безпорядка, грабѣя, притѣсняя и даже умерщвляя несчастныхъ жителей, какъ это обыкновенно водится у Поляковъ, когда они въ пьяномъ состояніи. Но къ 1 Января 1711 г., всѣ иностранные воины получали приказаніе оставить Яссы и идти въ Сороки, на Днѣстрѣ, гдѣ ожидали ихъ Воевода Потоцкій и Буджакскій Султанъ съ Татарами. Въ продолженіе четырехъ сутокъ со дня выхода ихъ, холодъ былъ такъ великъ, что значительное число Поляковъ и Казаковъ погибло на пути. Повсюду, гдѣ они проходили, отъ Прута до Сорокъ, деревни и села обращены были въ пепелъ.

«Буджакскіе Татары получили въ то же самое время приказаніе выйти въ походъ; имъ указанъ былъ путь по Польскому берегу Днѣстра; но Татары, жестокие, какъ настоящіе варвары, не хотѣли слѣдовать приказанію, и отправились прямо чрезъ Уѣзды Ладунавскій, Оргеевскій и Сорокскій, которые они совершенно опустошили. Жители этого несчастнаго края, узнавъ о скоромъ прибытіи Татаръ, имѣли предосторожность испросить у Князя дозволеніе оставить на время свои села, пока пройдутъ Татары; но Кантемиръ, полагаясь на полученные имъ отъ Хана, Великаго Визиря и Сераскира фирманы, которыми строго приказыва-

По отступленіи обѣихъ арміи, Ханъ Девлетъ-Гирей и Султанъ Галга отдали отчетъ Великому Визирю о дурномъ успѣхѣ ихъ экспедиціи. Донесенія ихъ изумили Бальтаджи. Онъ не хотѣлъ вѣрить

дось Буджакцамъ не проходить чрезъ Молдавію, запретилъ имъ оставлять свои жилища, подъ опасеніемъ строгаго наказанія. Несчастные жители послушались, и это послужило къ ихъ бѣдствію.

«Разныя войска собрались наконецъ въ Сорокахъ. Тогда Кіевскій Воевода и Буджакскій Султанъ выступили въ Немировъ, — извѣіе Потоцкаго. Несчастные крестьяне, видя себя окруженными такимъ множествомъ непріятелей, принуждены были покориться и давать постой и пропитаніе Казакамъ и Татарамъ, которые провели у нихъ остатокъ зимы въ совершенномъ спокойствіи.

«Русскія войска были такъ далеко отъ Украйны, что не могли отразить непріятеля: нѣкоторыя стояли въ Литвѣ, другія въ Ригѣ, подъ начальствомъ Фельдмаршала Шереметева; Царь Петръ находился еще въ С. Петербургѣ. Отряды Казаковъ, между Днѣстромъ и Днѣпромъ, оставшіеся вѣрными своему Государю, при наступленіи непріятеля отретировались по направленію къ Кіеву.

«Около того же времени, Девлетъ-Гирей вышелъ изъ Крыма съ значительными силами, состоявшими изъ Татаръ и Запорожскихъ Казаковъ (*), которые покинули свое Отечество и, боясь справедливаго гнѣва Русскихъ, удалились въ Перекопскую область Хана. Рѣки были еще покрыты льдомъ, и Гирей воспользовался этимъ, чтобы перейти съ полчищами своими Днѣпръ, и проникнуть въ Россію со стороны такъ-называемаго Харьковскаго поселеція. Въ этой провинціи также не было Русскихъ войскъ, и потому многіе города, не имѣя средствъ къ защитѣ, принуждены были сдаться; Татары провели тамъ остатокъ зимы, грабя и опустошая всю страну.

(*) По словамъ Митрополита Станислава Сестренцевича, Автора Исторіи Тавриды, *шесть тысячъ* Казаковъ сопровождали Девлетъ-Гирея при нашествіи его на Украйну.

пораженію ихъ, тѣмъ болѣе, что не получалъ о томъ никакого донесенія отъ Бендерскаго Пашы, который, по близости своей отъ театра войны, долженъ былъ первый увѣдомить о томъ Высшую Порту. Для убѣжденія своего въ истинѣ событій,

«Русскіе не хотѣли вѣрить первой вѣсти о нападеніи Татаръ на ихъ провинціи, полагаясь на миръ съ Турціею; но, убѣдившись въ истинѣ, они не замедлили выступить противъ непріятеля. Русскій Генералъ Скоропадскій, котораго Царь Петръ назначилъ Гетманомъ послѣ измѣны Мазепы, напалъ близъ Харькова на Татаръ. Тѣснимые храбрыми Русскими, Татары обратились въ бѣгство и, набравъ, сколько успѣли, добычи и плѣнныхъ, возвратились въ Крымъ.

«Галга же, Буджакскій Султанъ, и Потоцкій, Кіевскій Воевода, съ наступленіемъ весны, оставили Немровъ и другіе города и села, гдѣ провели зиму; соединивъ, сколько возможно было, войска и вооруживъ даже мужиковъ топорами и косами, отправились они на осаду *Бѣлой Церкви*, гдѣ находилось нѣсколько Русскихъ отрядовъ, которые, не смотря на малочисленность свою, нѣсколько дней съ помощью гражданъ, храбро отражали нападающихъ; послѣдніе устроили даже баттарей, но и это было бесполезно. Осада длилась, хотя, какъ нѣкоторые полагаютъ, соединенныя силы Султана и Потоцкаго простирались до тридцати тысячъ человекъ. Наконецъ Князь Голицынъ пришелъ на помощь *Бѣлой Церкви* съ осмью тысячами Русскихъ и нѣсколькими Молдавскими эскадронами, состоявшими на службѣ Царя. Молдаване первые напали на Татарскіе аванпосты, подъ предводительствомъ Полковника Григороса Пваненко и брата его эскадроннаго командира Іоницы, успѣвшаго ускользнуть изъ рукъ Шведовъ, которымъ онъ попался въ Ягорлыкъ. Татары, хитрые отъ природы, вынесли первый напоръ и притворились бѣгущими отъ непріятеля. Нападающіе, преслѣдуя ихъ, достигли самаго бунчука ихъ. Тогда непріятель повернули въ сторону и окружили Молдаванъ, которыхъ большая часть пала подъ ударами, или взята была въ плѣнъ. Видя поражение войска, братъ

онъ писалъ къ Димитрію Кантемиру, приказывая ему изслѣдовать втайнѣ причины пораженія Татаръ и дать ему въ скорѣйшемъ времени отчетъ о поведеніи Хана и Султана. Молдавскій Князь поспѣшилъ отправить къ нему донесеніе, основанное на исти-

Полковника Григороса, Ионица, бросился въ среду Буджакцевъ; но лошадь его спотыкнулась; въ одно мгновеніе былъ онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ, и палъ отъ удара пикки. Мало Молдаванъ спаслось отъ пораженія. По окончаніи дѣла, Князь Голицынъ прибылъ съ войскомъ своимъ на поле сраженія; Татары не могли противостоятъ огню Русскихъ, и обратились въ бѣгство, но не были преслѣдованы Генераломъ, потому что онъ имѣлъ при себѣ только тяжелую пѣхоту. Такимъ образомъ варвары, захвативъ много добычи и плѣнныхъ, возвратились чрезъ Бендеры въ Буджакъ.

«Между тѣмъ Порты повелѣла Князьямъ Валахскому, Константину Бранковану, и Молдавскому, Димитрію Кантемиру построить прочный мостъ на Дунаѣ у Облусицы. Молдавскій Князь поручилъ Іоанну Бугушу, бывшему Великимъ Логоветомъ, отправиться въ Путну, для поспѣвѣйшаго доставленія оттуда потребнаго лѣса. Бугушъ былъ старъ и при томъ боленъ, къ тому же не могъ онъ достать лошадей для немедленнаго отправленія въ дорогу. Кантемиръ, негодуя на его медленность, послалъ своихъ солдатъ, которые заставили Бугуша тотчасъ же выѣхать изъ города верхомъ и безъ проводниковъ:—поступокъ, достойный порицанія, потому что за бездѣлицу нанесена обида знатному Бояру.

«Въ то же самое время, Молдавскій Князь получилъ повелѣніе отъ Высокой Порты наблюдать за тѣмъ, чтобы Рогосци не проѣхалъ чрезъ его Княжество и не отправился бы оттуда въ Россію. Кантемиръ поспѣшилъ дать необходимыя для сего предписанія пограничнымъ стражамъ. Эта мѣра оказалась бесполезною: потому что Рогосци, найдя благоприятное время, выѣхалъ изъ отечества своего другою стороною, 12 Февраля 1711 г. переѣхалъ чрезъ горы въ Венгрію, и прибылъ въ Ярославъ для свиданія съ Московскимъ Царемъ».

нѣ. Тогда Визирь написалъ Бендерскому Пашѣ эти лестныя для Кантемира слова: «Я съ сожалѣніемъ вижу твое нерадѣніе; Молдавскій Бей — глуръ, но съ бѣльшею вѣрностью (нежели ты) служить Высокой Портѣ. Онъ доноситъ намъ обо всемъ, что происходитъ у Поляковъ и у Русскихъ. Ты называешь себя Мусульманиномъ, и ни о чемъ насъ не извѣщаешь!».

Такое выгодное о себѣ мнѣніе умѣлъ внушить Димитрій Кантемиръ Высокой Портѣ. Бендерскій Паша часто обращался къ нему за извѣстіями о Русскихъ, и потомъ передавалъ ихъ Великому Визирю, какъ будто получалъ ихъ посредствомъ шпионовъ. Но Молдавскій Князь былъ хитрѣе его: сперва доносилъ Портѣ обо всемъ, заслуживавшемъ вниманіе, и шесть дней спустя увѣдомлялъ о томъ же Пашу, такъ что извѣстія изъ Яссы доходили въ Царьградъ всегда прежде, нежели изъ Бендеръ.

Димитрій Кантемиръ, видя, что приказъ схватить Бранкована не приводится въ исполненіе, началъ предполагать, что Валахскій Князь примирился съ Портою. Зная, какую закоренѣлую ненависть Воевода этотъ питалъ ко всему роду его и видя, съ какою радостью и нетерпѣніемъ всѣ Христіане ожидаютъ прибытія Русскихъ, Кантемиръ рѣшился покинуть Турокъ и принять сторону своихъ единовѣрцевъ. Открытіемъ Петру Великому всѣхъ плановъ, обдумываемыхъ Стамбульскимъ Диваномъ противъ него, могъ онъ оказать Государю сему самую великую услугу. Для удобнѣйшаго прикрытія поведенія своего, Димитрій Кантемиръ испросилъ у Визиря дозволеніе притвориться другомъ Рус-

скихъ, дабы лучше проникнуть ихъ тайны. Увѣренный въ преданности Молдавскаго Князя, Визирь далъ ему безъ малѣйшаго затрудненія требуемое дозволеніе, и Кантемиръ не скрывалъ болѣе сношеній своихъ съ Императоромъ Петромъ. Повѣренный въ дѣлахъ его въ Царьградѣ, Жано, человекъ съ большими достоинствами и пользовавшійся полною довѣренностію Князя, открыто отправлялся въ Семибашенный Замокъ, свободно сносился съ Россійскимъ Посломъ, находившимся тамъ въ заточеніи, принималъ отъ него депеши и отправлялъ ихъ Молдавскому Князю, который въ свою очередь съ точностію пересылалъ ихъ по адресу. Услуга эта была чрезвычайно важна. Толстаго стерегли со всею строгостію, и никто во всей Оттоманской Имперіи не рѣшился бы на такое дѣйствіе. Одинъ только Кантемиръ имѣлъ достаточно для сего мужества; и Петръ вознаградилъ его, удостоивъ безграничной своей довѣренности. Валахи, Молдавскій Митрополитъ Гедeonъ, Гетманъ Жора и другіе Бояре сколько ни предупреждали Императора, что Кантемиръ обманываетъ какъ Турокъ, такъ и Русскихъ, Петръ не обращалъ на нихъ вниманія и умѣлъ цѣнить важность услугъ, оказываемыхъ ему Молдавскимъ Княземъ.

Императоръ, узнавъ о нападении Татаръ на Южныя провинціи Россіи и о заточеніи Посла въ Царѣградѣ, не замедлилъ выступить въ походъ. Но прежде отъѣзда своего онъ созвалъ Императорскій Совѣтъ 18 Генваря 1711 г. Много было мнѣній о томъ, какимъ образомъ открыть кампанію. Нѣкоторые предлагали выступить сперва противъ

Крыма, оставивъ одинъ корпусъ въ Кіевѣ для отраженія непріятеля, въ случаѣ нападенія на сей городъ; другіе полагали, что лучше слѣдовать по теченію Днѣпра до Очакова, овладѣть крѣпостями на сей рѣкѣ и на Днѣстрѣ и такимъ образомъ усилиться въ странахъ, простирающихся до Дуная; нѣкоторые же утверждали, что выгоднѣе всего направить силы на Бендеры и овладѣть этимъ городомъ. Императоръ не принялъ ни одного изъ трехъ мнѣній. Онъ возразилъ, «что для наблюденія за Татарами достаточно одного обсерваціоннаго Корпуса на границахъ Крымскихъ; что предложеніе итти на Бендеры представляетъ еще болѣе неудобствъ: потому что осада этой крѣпости напрасно утомитъ войска, которымъ будетъ предстоять еще затруднительный походъ противъ Великаго Визиря. Къ осадѣ Бендеръ можно приступить позже; всего же выгоднѣе итти прямо къ Дунаю, дабы помѣшать непріятелю войти въ Молдавію. Что же касается жизненныхъ припасовъ, то Бранкованъ взялся доставить ихъ въ изобиліи всей арміи. Валахскій Князь обѣщалъ кромѣ того тридцать тысячъ войска. Двадцать тысячъ Сербовъ стоятъ въ готовности, чтобы итти на помощь Русскимъ по первому призыву. Король Августъ отрядилъ 30.000 Поляковъ для сего похода. Молдаване обѣщали доставить не менѣе 10.000 воиновъ. Итакъ число союзныхъ войскъ простирается до 90.000 человекъ. Русская же армія имѣетъ въ рядахъ своихъ отъ 30.000 до 40.000 войскъ. Такимъ образомъ силы наши, говорилъ Императоръ, болѣе, нежели достаточны для удержанія за нами по-

бѣды». Императоръ, полагаясь на обѣщанія нѣкоторыхъ слабыхъ союзниковъ, выступилъ въ походъ съ своею арміею.

Между тѣмъ Димитрій Кантемиръ, узнавъ, что Гетманъ Антиохъ Жора старался очернить его предъ Петромъ Великимъ, отнялъ у него начальство надъ Молдавскими войсками, и назначилъ на мѣсто его Іоанна Некульче (*), занимавшаго до того должность Спатарія.

Петръ Великій и Бальтаджи приближались форсированнымъ маршемъ къ границамъ Молдавіи. Дѣло шло къ развязкѣ. Кантемиръ созвалъ по сему случаю Бояръ, изложилъ имъ положеніе дѣлъ, скрывая, впрочемъ, сношенія свои съ Россіею, и требовалъ ихъ совѣта на счетъ того, какъ приличнѣе будетъ ему поступить въ столь важныхъ обстоятельствахъ. Большая часть Бояръ, полагая, что Князь совершенно преданъ Туркамъ, и не зная о сношеніяхъ его съ Императоромъ Петромъ, не рѣшались дать ему положительнаго отвѣта. Впрочемъ, одни совѣтовали ему удалиться въ Фальчи на Прутъ, на берегахъ котораго, по всей вѣроятности, долженъ былъ рѣшиться великій вопросъ между Русскими и Турками, и отослать Княгиню въ Верхнюю Молдавію, дабы, при малѣйшей опасности, она могла удалиться въ Трансильванію; другіе же полагали, что Князю слѣдуетъ переѣхать въ Берладъ,—городъ, удаленный отъ Прута, чтобы быть въ безопасности отъ обѣихъ армій; наконецъ третьи настаивали, чтобы Кантемиръ удалился въ Фокшаны, на гра-

(*) Автора этой Лѣтописи. *Ed.*

ницу Валахін, дабы тамъ безпристрастнымъ зрителемъ ожидать окончанія войны и за тѣмъ перейти на сторону побѣдителя. Противъ мнѣнія послѣднихъ, Кантемиръ принялъ совѣтъ преданныхъ ему Бояръ, и рѣшился отправить Княгиню на границу Трансильваніи, и за тѣмъ выступилъ съ войскомъ въ Фальчинскій Уѣздъ, располагая присоединиться оттуда къ Туркамъ или къ Русскимъ, смотря по обстоятельствамъ. Всѣ Бояре, не раздѣлявшіе этого мнѣнія, съ шумомъ оставили собраніе, покинули городъ и нѣкоторые отправились въ свои помѣстья, а другіе пошли на встрѣчу Россійской арміи.

Еще прежде созванія этого Собранія, Кантемиръ отправилъ въ Польшу Вестіара (1) Стефана Луку, зятя Гетмана Іоанна Некульче, снабдивъ его инструкціями для заключенія съ Петромъ Великимъ окончательнаго договора, по которому вся Молдавія должна была рѣшительно объявить себя въ пользу Русскихъ. Но какъ Турки были еще въ этомъ краѣ сильны, то Князь старался объяснить имъ, что Лука отправленъ съ цѣлью вывѣдать силу и планы непріятели. Вестіаръ Лука отправился чрезъ Черновицъ (2) въ Ярославъ, гдѣ находился тогда Петръ Великій, на свадьбѣ одного Польскаго Воеводы. Молдавскій посланный былъ принятъ Петромъ съ большими почестями. 13 Апрѣля 1711 года былъ подписанъ тамъ слѣдующій договоръ между Россіею и Молдавіею:

(1) Вестіаръ—придворный чинъ, ниже Великаго Логовета.

(2) На границѣ Буковины и Молдавіи.

1) Молдавія получитъ старыя границы свои до Днѣстра, со включеніемъ Буджака. До окончательнаго образованія Княжества, всѣ укрѣпленныя мѣста будутъ заняты Императорскими гарнизонами; но послѣ того Русскія войска выступятъ и будутъ замѣнены Молдавскими.

2) Молдавія никогда не будетъ платить дани.

3) Молдавскій Князь можетъ быть смѣненъ только въ случаѣ измѣны, или если перемѣнитъ Православную Вѣру; въ такомъ случаѣ, будетъ избранъ въ наслѣдники одинъ изъ сыновей или братьевъ его. Престолъ останется въ родѣ Кантемира до совершеннаго его прекращенія.

4) Князь имѣетъ право лишать Бояръ должностей только въ случаѣ уголовнаго преступленія.

5) Городскіе повинности и доходы отъ солянаго промысла будутъ даны въ удѣлъ Князю, который не имѣетъ права требовать другихъ доходовъ.

6) Монастыри, Бояре и Мазилы сохраняютъ всѣ свои имущества, земли и рабовъ; повинности сихъ послѣднихъ въ отношенія къ Боярамъ будутъ состоять въ десятипѣ съ улей и свиней и гошинѣ съ овецъ.

7) Во все время продолженія войны Молдавія будетъ имѣть подъ ружьемъ 10.000 войска, которое будетъ получать содержаніе изъ Императорской казны.

8) Русскіе не будутъ имѣть права занимать должностей въ Княжествѣ.

9) Они не имѣютъ права приобрѣтать помѣстій въ Молдавіи, и

10) Не могутъ вступать въ бракъ съ Молдаванками.

11) Князь не имѣетъ права наказывать Бояра за какое бы ни было преступленіе, безъ предварительнаго суда общаго собранія Бояръ, утвержденного Митрополитомъ.

12) Титулъ Князя будетъ отнынѣ слѣдующій: Свѣтлѣйшій Князь и Самодержецъ Молдавіи (apcъші stapъпіторъ samoderжецъ) и союзникъ Россійскаго Императора.

13) Императоръ не будетъ заключать мира съ Турціею, по которому Молдавія должна была бы возвратиться подъ Турецкое владычество.

Кромѣ сего договора въ пользу Молдавіи, Императоръ подписалъ дополнительныя статьи и касательно частныхъ интересовъ Кантемира, слѣдующаго содержанія:

Въ случаѣ, если Русскіе принуждены будутъ заключить миръ съ Турками, Императоръ обязуется дать Димитрію Кантемиру два дворца въ Москвѣ и помѣстья, равныя цѣнностью тѣмъ, которыми онъ владѣетъ въ Молдавіи. Сверхъ того, ежедневныя издержки для него и для его свиты будутъ уплачиваемы изъ Императорской казны.

Если Кантемиръ не пожелаетъ остаться въ Россіи, то онъ воленъ избрать другое мѣстопробываніе.

Всѣ сіи статьи были подписаны имъ собственноручно, и отосланы Молдавскому Князю чрезъ Вестіара Луку (*).

Чрезъ того же Бояра Императоръ приглашалъ Молдавскаго Князя «поспѣшить приготовленіями своими, и выйти къ нему на встрѣчу къ переправѣ на Дуѣстрѣ.—Пришло время, говорилъ онъ, оставить двусмысленную политику; Молдавія должна дѣйствовать открыто. Въ случаѣ, если Кантемиръ останется нейтральнымъ до рѣшенія побѣды между Русскими и Турками, онъ не долженъ болѣе считать на дружбу его, ни даже надѣяться сохранить свое Княжество».

Молдавскій Князь предупредилъ Петра Великаго, что Турецкая армія простирается до четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ, не считая Татарскихъ отрядовъ, и имѣетъ при себѣ 500 тяжелыхъ орудій; что Молдавія ощущаетъ большой недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, и крестьяне, вѣроятно, откажутся покупать ихъ въ Буджакѣ, изъ опасенія плѣна и рабства; что ни онъ, ни Дворянство не могутъ еще открыто объявить себя въ пользу Русскихъ: потому что Татары находятся на самой границѣ,

(*) По словамъ Логовета Николая Костина, Кантемиръ отправилъ къ Императору прежде Луки—еще въ Генварѣ мѣсяцѣ, когда Татары опустошали Южныя Области Россіи, — Молдавскаго Капитана Прокопи, съ порученіемъ повторить ему увѣренія, что, въ случаѣ войны съ Турціею, Князь предоставитъ въ распоряженіе его 20.000 конницы. Біографъ Кантемира утверждаетъ, что не Молдавскій Князь, а Петръ Великій предложилъ первый союзъ на выгодѣйшихъ для Молдавіи условіяхъ (и прислалъ для переговоровъ къ Князю Греческаго Врача Поликало.

и коль скоро намѣреніе ихъ будетъ извѣстно, могутъ напасть на Княжество, и предать все мечу и пламени, и что посему Императору нужно все зрѣло обдумать, до открытія похода, который можетъ имѣть самыя ужасныя послѣдствія какъ для Русской Имперіи, такъ и для Молдавіи».

Петръ Великій поспѣшилъ успокоить Князя, и отвѣчалъ ему чрезъ Вестіара Луку: «что Молдавіи нечего бояться Татаръ, которые ему преданы; что армія его довольно сильна, чтобы побѣдить Турокъ; о жизненныхъ припасахъ, за которые будетъ платимо въ Княжествѣ наличными деньгами, нечего беспокоиться; что, впрочемъ, Бранкованъ получилъ значительныя суммы для заготовленія въ изобиліи жизненныхъ припасовъ, и такимъ образомъ все обѣщаетъ счастливую войну».

Вмѣстѣ съ договоромъ, подписаннымъ Петромъ Великимъ, Кантемиръ получилъ орденъ, украшенный брилліантами и портретомъ Императора, и другіе богатые дары, состоявшіе изъ золотыхъ цѣпей и дорогихъ мѣховъ.

Однакожь, не взирая на сей договоръ и на увѣщанія Петра Великаго, Кантемиръ ни на что не могъ рѣшиться. Онъ опасался, отправясь въ Нижнюю Молдавію, чтобы не обвинили его въ измѣнѣ и не свергли съ престола, или чтобы не остановилъ его народъ при выходѣ на встрѣчу къ Шереметеву, который прибылъ уже къ Днѣстру (*);

(*) Николай Костинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ первые подвиги Шереметева, при переходѣ чрезъ Днѣстръ. Послѣ нападенія Татаръ на Южныя провинціи Россіи, войска Царя поспѣшно оставили зимнія квартиры и выступили къ гра-

всего же болѣе страшился онъ Татарь, которые могли опустошить Молдавію, коль скоро онъ объявилъ бы себя противъ Турокъ. Чтобъ выиграть

лицамъ Турціи: некоторые прошли чрезъ Камениць, другіа же чрезъ Нешировъ.

«По соединеніи различныхъ корпусовъ въ Чинаукъ (Ципъ-ка), на лѣвомъ берегу Днѣстра, въ виду Сорокъ, поручено было одному Полковнику предшествовать съ полкомъ своимъ арміи, и, слѣдуя теченію рѣки, спуститься до Раскова. По прибытіи туда, этотъ Офицеръ началъ работы для наведенія прочнаго моста на Днѣстръ: потому что часть арміи должна была перейти на правый берегъ и слѣдовать внизъ по теченію рѣки, между тѣмъ какъ другому корпусу предписано было идти лѣвымъ берегомъ, по тому же направленію, для совмѣстнаго нападенія на Буджакъ и Бендеры. Сераскиръ этой крѣпости, извѣстясь о приближеніи непріятелей, выслалъ до тысячи Турокъ, чтобы помѣшать Русскимъ постройку моста. Экспедиція эта была неудачна: Турки были опрокинуты съ большою потерей и принуждены возвратиться въ Бендеры. По окончаніи моста, часть войскъ перешла на Молдавскій берегъ Днѣстра. Если бы Русская армія придерживалась все этому плану, а именно — осадить Бендеры и разсѣять Буджакцевъ, то навѣрно извлекла бы изъ того большія выгоды: потому что уже значительная часть Татаръ, особенно Джаука Мурзы, рѣшительно объявили, что предадутся тому, на чей сторону будетъ побѣда. Самъ Шведскій Король, при приближеніи Царскихъ войскъ, оставилъ Бендеры съ свитою своею, состоявшею изъ Гетмана Орлика, Полковника Прилуцкаго, Майора Ламиковскаго и другихъ Офицеровъ, и удалился въ Киію, близъ Дуная. Татары, находившіеся ближе другихъ отъ арміи, отправили женъ и дѣтей своихъ за Аккерманъ, къ Черному морю. Но судьба не допустила отечеству ускользнуть отъ опустошенія и рабства! Царь перемѣнилъ планъ кампаніи: потому что Димитрій Кантемиръ не переставалъ призывать Русскихъ, которые завладѣли уже Сороками и Расковымъ; онъ успѣлъ наконецъ отклонить Императора и Шереметева отъ намѣренія напасть на Бендеры, и пригласилъ ихъ перейти Днѣстръ и, идя по направленію Прута, вступить въ Яссы.

время, рѣшился онъ наконецъ раскинуть палатки свои и поднять военныя знамена, вѣхъ города, въ Бахлуйской долинѣ (*), близъ монастыря Формоза (20 Мая 1711 г.). Выигрывая такимъ образомъ время, могъ онъ слѣдить за первыми движеніями Шереметева противъ Турокъ, а народъ могъ думать, что онъ готовится идти на встрѣчу къ Великому Визирю. Находившіеся въ то время въ Яссахъ Турки, видя, что Русскіе уже на границѣ, особенно причиняли ему много безпокойства; и какъ Князь не спѣшилъ присоединиться къ Турецкой арміи, то они легко могли подозрѣвать его въ измѣнѣ. Чтобы освободиться отъ нихъ, Кантемиръ писалъ Бендерскому Пашѣ: «Русскіе вошли уже въ Молдавію, перейдя у Сорокъ рѣку Днѣстръ; противъ его желанія Турки настаиваютъ на томъ, чтобы остаться въ Яссахъ, и, извѣстясь о пребываніи ихъ въ этой столицѣ, Шереметевъ можетъ послать конный отрядъ для уничтоженія ихъ и разоренія города, а потому проситъ онъ Пашу дать имъ въ наискорѣйшемъ времени приказаніе очистить городъ и присоединиться къ Оттоманской арміи». Паша отвѣчалъ ему «что Туркамъ еще рано вызывать свои гарнизоны; но что, когда придетъ время, онъ дастъ имъ на то приказаніе, извѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ и его, дабы онъ съ своими Молдавскими войсками явился въ Бендеры».

21 Мая, Князь, съ супругою своею и со всѣмъ Дворомъ, оставилъ Дворецъ свой въ Яссахъ и перѣхалъ въ замокъ, находящійся на возвышеніи,

(*) Бахлуй—маленькая рѣчка, протекающая около Яссъ.

по ту сторону Бахлуя, и извѣстный подъ названіемъ Четацуя (маленькая крѣпость). По отъѣздѣ его, въ городѣ произошли большіе безпорядки: Бояре и народъ разсѣялись во всѣ стороны, и Кантемиръ остался почти совершенно покинутымъ въ своемъ замкѣ (*). Послѣ долгаго колебанія, Князь рѣшился публично объявить себя союзникомъ Петра Великаго. Онъ отправилъ, однакожь все еще тайно, двухъ довѣренныхъ Бояръ, Капитана Прокони и Начальника Трабантовъ Агу Димитрія, въ Могилевъ на Днѣстрѣ, къ Фельдмаршалу Шереметеву, съ просьбою прислать сколь можно скорѣе четыре тысячи Русскихъ, дабы они служили ему конвоемъ до прибытія Императорской арміи въ столицу Молдавіи. Фельдмаршалъ откоман-

(*) «Турки, жившіе въ Яссахъ, въ зданіи, принадлежавшемъ тамождѣ, были въ то время большею частію разсѣяны по разнымъ ярмонкамъ въ провинціяхъ, по торговымъ дѣламъ; другіе же, видя, что народъ убѣгаетъ на Яссы, отправились немедленно со всѣми своими пожитками въ Нижнюю Молдавію. Только глава ихъ, Мегеметъ-Язаджи-Эфенди, съ нѣкоторыми другими начальниками оставались въ городѣ; они нѣсколько разъ отправлялись въ Четацуя, упрекая Князя въ измѣнѣ: потому что онъ отказывался идти со свитою своею на встрѣчу Оттоманской арміи. Князь приводилъ въ оправданіе свое, что не онъ, а весь народъ измѣнилъ Высокой Портѣ, и что, видя себя покинутымъ воинами своими, онъ не можетъ слѣдовать приказаніямъ Султана; а чтобы доказать свою невинность, онъ готовъ съ Императорскимъ знаменемъ (санджакъ) идти одинъ на встрѣчу Великому Визирю Бальтаджи, который готовился уже перейти Дунай и не хотѣлъ еще вѣрить измѣнѣ Кантемира, получая отъ него безпрестанно увѣренія, что онъ ожидаетъ только вступленія его въ Молдавію, чтобы присоединиться къ нему со всѣми своими войсками». (Хроника Н. Костина).

дировалъ Бригадира Василя Кропоткина съ тремя тысячами драгунъ и Полковника Кигеша съ Молдавскимъ полкомъ, состоявшимъ въ Россійской службѣ. Между тѣмъ какъ этотъ легкій отрядъ приготавлился къ переходу черезъ Прутъ при Загаранчѣ, Князь созвалъ небольшое число Бояръ, которые остались ему вѣрны, именно: Великаго Логовета Николая Костина, Ворника Іоанна Стурдзу, Ворника Іоанна Россети и Вестіара Ілью Кантаржи, и объявилъ имъ, что онъ самъ пригласилъ Русскихъ войти въ Молдавію, и что авангардъ ихъ переходитъ уже Прутъ. При этомъ извѣстіи Бояре не могли скрыть своей радости. «Вы прекрасно поступили, говорили они ему, что призвали Русскихъ для освобожденія насъ отъ Турецкаго ига; если бы мы замѣтили, что вы намѣрены итти на встрѣчу къ Туркамъ, то непременно покинули бы васъ и предались бы Императору Петру». Довольный одобреніемъ Бояръ, Князь болѣе не медлилъ. Въ пятницу 1 Іюня, съ восходомъ солнца, отправился онъ на встрѣчу Русскимъ къ Пруту, и, послѣ продолжительнаго разговора съ Кропоткинымъ, проводилъ его чрезъ Жижию и Бахлуй до моста Батка, въ долину Бахлуйской, близъ Яссы, гдѣ Императорскія войска расположились лагеремъ и гдѣ они нашли въ изобиліи жизненные припасы.

На другой день (2 Іюня) Бригадиръ Кропоткинъ вступилъ въ Яссы съ эскадрономъ драгунъ; онъ былъ весьма хорошо принятъ Княземъ, и, осмотрѣвъ дворецъ Молдавскихъ Господарей и главнѣйшія церкви въ городѣ, возвратился вечеромъ въ лагерь.

Тотчасъ послѣ прибытія Русскихъ, Молдаване, вѣрные своему обычаю, начали грабить и убивать Турокъ. Убійства начались въ Яссахъ и распространились по всему Княжеству. Серебро, драгоценныя вещи, Азіатскія одѣянія, лошади, волы, коровы, овцы, медъ, воскъ, однимъ словомъ все, что составляло предметъ промышленности Турецкихъ купцовъ, было у нихъ отнято самымъ несправедливымъ образомъ, безъ вѣдома Кантемира (*). Сѣстные припасы и разные бакалейные товары были разбросаны по улицамъ съ такимъ изобиліемъ, что старухи и дѣти пресыщались изюмомъ, фигами и орѣхами.

Между тѣмъ какъ Шереметевъ вступалъ съ пятнадцатію тысячами Русскихъ въ Чучору на Прутѣ (5 Іюня), Великій Визирь приближался къ городу Исакчѣ, на Дунаѣ. Мостъ былъ уже наведенъ, но онъ боялся перейти рѣку, услышавъ о приближеніи Русскихъ въ несмѣтномъ количествѣ. Бальтаджи былъ уже на пути въ Молдавію и, все еще не зная объ измѣнѣ Кантемира, отправилъ ему при-

(*) Николай Костинъ полагаетъ напротивъ, что происшества надъ Турками произошли по приказанію Кантемира. «Князь, говоритъ онъ, отъѣзжая въ Загаранчу на встрѣчу къ Кропоткину, приказалъ Гетману своему Іоанну Нскульче объявить всѣмъ старшимъ Офицерамъ, находившимся подъ его командою, что они могутъ нападать на Турокъ и отнимать у нихъ все, что найдутъ. Еще до вступленія Русскихъ въ городъ, собрали они всѣхъ солдатъ, разграбили таможенную и магазинныя Турецкихъ купцовъ, которыхъ связывали веревками и водили по улицамъ, принуждая ихъ подъ ударами розогъ показывать, гдѣ скрыты деньги, и заставляя отказываться отъ ихъ вѣры. Солдаты разсѣялись по всѣмъ городамъ Княжества, и вскорѣ убійства распространились повсюду.

казаніе схватить Бранкована. Когда же онъ узналъ всю истину, при вступленіи въ Княжество, то гнѣву его не было границъ. Онъ тотчасъ приказалъ обезглавить Іоанна Критянина, повѣреннаго въ дѣлахъ Кантемира (1). По переходѣ Шереметева чрезъ Днѣстръ, жители Оргея, Сорокъ и Лапусана оставили свои дома и послѣдовали за Русскою арміею, дабы не подвергнуться жестокостямъ Татаръ; крестьяне поселились въ Карлигатурскомъ цынутѣ (уѣздѣ), солдаты же присоединились къ войску Кантемира.

Узнавъ о прибытіи Русской арміи въ Пруту (5 Іюня), Кантемиръ, въ сопровожденіи Боярѣ, Гетмана Іоанна Некульче, Пахарника (2) Константина, сына Ворника Георгія Россети и Вестіара Стефана Луки, котораго назначилъ Казначеемъ Княжества, и всѣхъ Молдавскихъ войскъ, отправился съ Бригадиромъ Кропоткинымъ къ Шереметеву. Въ Чучорѣ, по ту сторону рѣки, былъ устроенъ лагерь для всей арміи. Фельдмаршалъ принялъ Князя со всѣми почестями, приличными его высокому сану. Съ обѣихъ сторонъ дѣлаемы были подарки: Кантемиръ подарилъ Шереметеву прекраснаго коня Молдавской породы и получилъ въ замѣнъ двѣ дорогія шубы. Кромѣ того каждый Бояръ его свиты получилъ отъ Генерала матерію на двѣ пары платья.

При первомъ свиданіи, Князь и Фельдмаршалъ почли нужнымъ писать Буджакскому Султану, чтобы убѣдить его покориться Россіи. Письмо было напи-

(1) Н. Костинъ говоритъ, что Іоаннъ Критянинъ^{Мѣ?} былъ обезглавленъ по заключеніи мира.

(2) Придворный чинъ—Оберъ-Шенкъ.

сано на Турецкомъ языкѣ младшимъ сыномъ Шереметева, знавшимъ, не смотря на дѣтскій возрастъ свой, въ совершенствѣ этотъ языкъ, и было отправлено къ Султану ; но никакого отвѣта не послѣдовало.

Съ Россійскою арміею прибылъ также Министръ Савва Рагузинскій, родомъ изъ Рагузскихъ кунцевъ, который способностями своими умѣлъ заслужить почести и довѣріе Петра Великаго. Онъ зналъ нѣсколько языковъ, и чрезъ его посредство вошелъ Кантемиръ въ сношеніе съ Императоромъ. Ему поручены были издержки по арміи, во все время продолженія войны съ Турками. По прибытіи своемъ, вручилъ онъ Кантемиру двѣсти мѣшковъ золота на обмундированіе 10.000 человѣкъ Молдавскаго войска. За первый мѣсяцъ платили впередъ: Полковникамъ—сто рублей, Капитанамъ—тридцать, Поручикамъ и Прапорщикамъ—десять, солдатамъ—пять рублей. Послѣ образованія войскъ, каждый долженъ былъ получать постоянное жалованье. Тотъ же Министръ вручилъ Князю еще триста мѣшковъ на покупку скота для арміи. Корова стоила въ то время четыре рубля.

По требованію Императора, Кантемиръ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ въ первый разъ именовалъ себя : *вѣчнымъ или постояннымъ Княземъ Молдавіи* (*domn вечінік а cerei Moldovei*) и которымъ призывалъ къ оружію всѣхъ Бояръ и военныхъ людей, подъ опасеніемъ для первыхъ лишиться, въ случаѣ неповиновенія, всѣхъ имѣній, а для послѣднихъ — сдѣлаться рабами. Этимъ же манифестомъ приглашалъ онъ крестьянъ свободно по-

сѣщать всея ярмонки, и приходить безъ страха въ Русскій лагерь для продажи тамъ своихъ припасовъ. Бояре и Мазилы начали стекаться въ Ясы; только самое малое число не послѣдовало призыву Князя; военные люди (служиторы) приходили со всехъ сторонъ подъ знамена отечества. Не только солдаты брали оружіе: сапожники, портные, мѣховщики, шинкари, слуги сѣвши записываться въ военную службу. По прошествіи двухъ недѣль по обнародованіи манифеста, семнадцать Полковниковъ и сто семдесятъ ротныхъ командировъ состояли уже на службѣ. Кадры, состоявшіе изъ ротъ, каждая во сто человекъ, не были еще въ полномъ комплектѣ, потому что все было сдѣлано въ самое короткое время.

Шереметевъ находился въ Чучорѣ и ожидалъ Императора съ остальною частію арміи. Уже три раза пытались Татары напасть на него; но, схвативъ нѣсколько лошадей, отдалившихся отъ лагерь, немедленно отступали. Одинъ только разъ вступили они въ бой съ Русскимъ авангардомъ, но не имѣли смѣлости напасть на всю армію; они боялись даже перейти на правый берегъ Прута, узнавъ, что во вновь образованномъ Молдавскомъ войскѣ до 30.000 человекъ.

Бояръ Лупъ, сынъ Гаврилицы, давно долженъ былъ Кантемиру три тысячи червонцевъ; но онъ получилъ отъ Князя еще восемьсотъ червонцевъ для закупки въ Берладѣ жизненныхъ припасовъ для Русской арміи. Не исполнивъ даннаго ему порученія, онъ собралъ нѣсколько человекъ и заперся съ ними въ монастырѣ Бурсучи, и отказывался возвратить—

ся къ Кантемиру, или послать ему деньги или жизненные припасы, которые ему поручено было закупить. Забывая обязанности и долгъ свой въ отношеніи къ отечеству, онъ, съ одной стороны, сообщалъ Шереметеву ложныя извѣстія о Туркахъ, а съ другой побуждалъ Великаго Визиря перейти Дунай безъ малѣйшаго страха: ибо Русскихъ, говорилъ онъ, весьма мало, къ тому же они ощущаютъ недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ.

Освѣдомясь объ измѣнѣ Лупа, Шереметевъ и Кантемиръ отправили Полковника Кигеша съ тремястами Молдаванъ и одного эскадроннаго командира съ двумястами драгунъ, чтобы привести его въ Русскій лагерь. Видя приближеніе Русскаго отряда, Лупъ и жена его притворились больными: Лупъ хорошо принялъ Русскихъ Начальниковъ, одарилъ ихъ, извинялся, что не можетъ исполнить приказанія Фельдмаршала, и предложилъ послать вмѣсто себя младшихъ братьевъ своихъ и сына, обѣщая, коль скоро здоровье его поправится, пойти на встрѣчу Русскимъ въ Фальчи, съ жизненными припасами и нѣсколькими воинами, которыхъ постарается собрать. Полковникъ Кигешъ повѣрилъ словамъ его, удалился съ братьями и съ сыномъ его. Ошибка эта имѣла ужасныя послѣдствія для Русской арміи. Успѣвъ такимъ образомъ освободиться, Лупъ всѣми силами старался убѣдить Турокъ воспользоваться вступленіемъ въ Молдавію. Великій Визирь находился еще въ недоумѣніи — перейти ли Дунай или нѣтъ; доводы Молдавскаго Бояра его убѣдили. Но вскорѣ послѣ того измѣнникъ получилъ свое наказаніе, какъ мы уви-

димъ дальше, отъ того же Визиря, которому онъ предался.

Петръ Великій, находясь еще въ Ярославѣ, снабдилъ Польскаго Короля большими субсидіями, за которыя сей обязался выставить 30 — тысячный вспомогательный корпусъ противъ Турокъ. Августъ пригласилъ своего знаменитаго союзника выступить прежде съ Россійскими войсками; его же армія поспѣтъ, говорилъ онъ, присоединиться къ нимъ еще у Прута. Дѣйствительно, тридцать тысячъ Поляковъ, подъ командою Генерала Сиявскаго, выступили въ походъ и прибыли въ Снятинъ. Но, дойдя до границы съ Молдавіею, они отказались идти далѣе, ожидая рѣшенія побѣды между Русскими и Татарми.

Императоръ, полагаясь на обѣщаніе Августа, оставилъ Князя Долгорукаго Старшаго съ двѣнадцати-тысячнымъ отрядомъ, давъ ему приказаніе двинуться къ нему по соединеніи съ Польскими войсками; самъ же съ большою арміею, весьма утомленною отъ затруднительныхъ переходовъ, потому что армія эта шла отъ Риги, направился къ Днѣстру. Съ частью войска, менѣе утомленною, Петръ перешелъ рѣку 20 Іюня (*), и для избѣжа-

(*) По переходѣ чрезъ Днѣстръ, Императоръ созвалъ Военный Совѣтъ въ палаткѣ Брюса; тамъ прочтено было письмо, которымъ Кантемиръ извѣщалъ Царя, что ему невозможно болѣе затруднять постройку моста на Дунаѣ; онъ умолялъ спѣшить сколь возможно, и говорилъ, что тридцати-тысячнаго корпуса и Молдавскаго войска достаточно, чтобы помѣшать Великому Визирю перейти рѣку. Императоръ, узнавъ уже, какъ видимъ изъ записокъ Брюса, объ измѣнѣ Бранкована, былъ сначала въ недоумѣніи, положиться

нія сильныхъ жаровъ, въ три часа ночи прошелъ пустую равнину между Днѣстромъ и Прутомъ; 24 Іюня прибылъ онъ въ Загаранчу, на берегу послѣдней рѣки. Тогда Императоръ разлучился съ арміею; войска спустились вдоль по лѣвому берегу Прута, до Чучоры, гдѣ присоединились къ лагерю

ли на слова Кантемира. Въ Военномъ Совѣтѣ, Императоръ предложилъ ускорить переходы, не ожидая остальныхъ войскъ; всѣ Генералы были того же мнѣнія, только Генералъ Аллардъ не говорилъ ни слова. Императоръ, замѣтивъ его молчаніе, приказалъ ему высказать свое мнѣніе. Аллардъ отвѣчалъ, что онъ безъ дозволенія Государя никогда не осмѣлился бы идти противъ единогласнаго мнѣнія Совѣта. Удивляюсь, прибавилъ онъ, что судьба Шведскаго Короля не служить намъ достаточнымъ примѣромъ. Этотъ Монархъ былъ увлеченъ въ пагубный шагъ измѣнникомъ Мазепою; я полагаю, что Русская армія находится въ томъ же положеніи. Валахскій Князь намъ уже измѣнилъ, Молдавскій Князь можетъ послѣдовать его примѣру. Положимъ даже, что онъ не имѣетъ этого намѣренія; способы служить намъ могутъ ему измѣнить. Войска его, привычныя издавна къ Турецкому Правленію, будутъ, вѣроятно, противиться намѣренію Князя. Это именно и случилось. См. Современныя Записки Брюса, родственника Генерала Брюса. P. H. Bruce's Nachrichten von seinen Reisen, nebst Nachrichten von Peter den Ersten. Leipzig, 1784.

Изъ жизнеописанія Кантемира узнаемъ также, что Молдавскій Князь старался всячески замедлить работы моста и не переставалъ просить Царя усилить переходы, чтобы прибыть до окончательной постройки моста. Къ несчастію, словаъ его не слишкомъ довѣряли: обыкновенная участь тѣхъ, вѣрность коихъ еще не испытана; Царь внималъ, напротивъ того, болѣе обманчивой рѣчи Бранкована, Валахскаго Князя, который питалъ его надеждами, такъ что онъ слишкомъ поздно рѣшился предупредить Турокъ, и помышлять имъ переходъ чрезъ Дунай». См. Исторію Оттоманской Имперіи. Т. IV, стр. 476.

Фельдмаршала Шереметева. Петръ Великій перѣѣхалъ чрезъ Прутъ (1), и въ тотъ же день, въ субботу, по захожденію солнца, прибылъ въ Яссы, гдѣ остановился въ Господарскомъ дворцѣ, въ отсутствіи Кантемира, находившагося тогда въ Чучорѣ. Всѣ должностныя лица и другіе Бояры, бывшіе тогда въ городѣ, и Духовенство съ Митрополитомъ Молдавіи Гедеономъ отправились къ Пруту на встрѣчу Императору. Они приняли его, какъ Православнаго Монарха, съ Крестомъ и Святою водою; всѣ цѣловали руку его и благодарили Всевышняго за освобожденіе отъ ига Турецкаго. Часъ спустя по захожденіи солнца, пріѣхала и Императрица въ Яссы (2).

Кромѣ войскъ, приведенныхъ Императоромъ для войны съ Турками, имѣлъ онъ еще въ Азовѣ

(1) Шутъ Царскій утонулъ при переправѣ черезъ Прутъ. Онъ пустилъ вплавъ свою лошадь, стоя на сѣдлѣ и выдѣлывая ногами разныя штуки. Онъ былъ пьянъ, и, пошатнувшись на срединѣ рѣки, упалъ съ лошади. См. Хронику Ник. Костина.

(2) Димитрій Кантемиръ прибылъ въ Яссы уже послѣ Императрицы. Государь въ то самое время возвращался изъ ванны; Князь ожидалъ его внизу у большой парадной лѣстницы дворца; при приближеніи его, онъ поцѣловалъ ему руку. Петръ Великій поцѣловалъ его въ лобъ, приподнявъ его до себя одною рукою, потому что Кантемиръ былъ малаго роста, а Императоръ былъ высокъ и строенъ. Тогда Молдавская Княгиня отправилась къ Императрицѣ, которая надѣла на нее медальйонъ, украшенный дорогими камнями, и привѣщенный къ золотой цѣпи. (Хроника Ник. Костина).

двадцать тысячъ Калмыковъ, двадцать тысячъ Донскихъ, пятнадцать тысячъ Харьковскихъ и пять тысячъ другихъ Казаковъ, и двадцать тысячъ регулярнаго войска, всего восемьдесятъ тысячъ чело-вѣкъ. Эта армія, подъ предводительствомъ Графа Апраксина, Азовскаго Губернатора, должна была итти на Крымъ. Графъ Апраксинъ писалъ Петру Великому, во время марша своего къ Турецкимъ границамъ, что Кубанскіе Татары сдѣлали наше-ствіе на Россію, увели въ плѣнъ десять тысячъ юношей двѣнадцати лѣтъ и безчеловѣчно умерщвля-ли всѣхъ выше и ниже этого возраста (?). Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ испрашивалъ разрѣшенія итти на нихъ. Императоръ отвѣчалъ, что не пришло еще время ихъ наказать, и что слѣдуетъ дожидаться окончанія войны съ Турками. Петръ Великій имѣлъ еще армію въ Чигиринѣ, состоявшую изъ пятнад-цати тысячъ Русскихъ и тридцати тысячъ Казаковъ, подъ предводительствомъ Князя Дмитрія Голицы-на, Кіевскаго Губернатора, и Скоропадскаго, Гетма-на Казаковъ. Армія эта предназначалась для осады Очакова. Еще находилось на Шведской границѣ девятнадцать тысячъ отборной конницы, двѣнад-цать тысячъ пѣхоты и нѣсколько тысячъ Саксон-цевъ, присланныхъ Королемъ Августомъ. Этою ар-міею командовали Князь Александръ Даниловичъ (Меньшиковъ) и Генералъ Бонъ. Къ тому же Им-ператоръ имѣлъ морскія силы, которыя были за-няты войною съ Швеціею. Съ такими значитель-ными силами Русскіе имѣли неосторожность поло-житься на обѣщанія Поляковъ, Валаховъ, Молда-

ванъ и Сербовъ. Ввѣрившись такимъ образомъ этимъ союзникамъ, они оставили въ Россіи лучшія войска и повредили успѣху своего оружія.

Императоръ имѣлъ при себѣ для войны съ Турками только отъ тридцати до сорока тысячъ регулярнаго войска (включая туда и Корпусъ Шереметева), восемь тысячъ Миргородскихъ Казаковъ, тысячу Донскихъ Казаковъ и семь тысячъ Молдаванъ, всего отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ, и Артиллеріи шестьдесятъ двѣ пушки. Этой арміи было бы достаточно, не смотря на малочисленность ея. Она была весьма утомлена и имѣла недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ (*).

(*) По современнымъ запискамъ Брюса, силы Россіи простирались въ то время до двухъ сотъ тысячъ пѣхоты и ста тысячъ конницы, вмѣстѣ съ гарнизоными войсками. Кроме того, Казаки и Калмыки могли въ военное время выставить полтораста тысячъ человекъ. Армія, предназначенная для Турецкой кампаніи, состояла, при переходѣ черезъ Днѣстръ, изъ пяти дивизій, каждая въ шесть тысячъ человекъ. Первою или гвардейскою дивизіею командовалъ самъ Императоръ, второю—Генералъ Вейде, третьею—Князь Репнинъ, четвертою—Генералъ Аллардъ, а пятою Генералъ Рентцель,—всего было тридцать тысячъ пѣхоты. Тридцать тысячъ Драгуновъ должны были усилить Армію; будучи отправлены для разоренія Турецкихъ магазиновъ по Днѣстру выше Бендеръ, они исполнили это порученіе, но не могли уже присоединиться къ Арміи. Пятдесятъ тысячъ Калмыковъ и двадцать тысячъ Казаковъ были уже на пути. Если бы всѣ войска эти успѣли соединиться, силы Петра Великаго простирались бы до ста тридцати тысячъ человекъ, не считал Молдаванъ. Къ несчастію, соединеніе это не могло совершиться. См. Bruce's Nachrichten, стр. 44.

Великій же Визирь имѣлъ триста тысячъ Турецкаго войска, кромѣ того значительные корпуса Крымскихъ и Буджакскихъ Татаръ, и четыреста пушекъ. Всѣ эти войска были свѣжи, и ни въ чемъ не нуждались; изобиліе царствовало въ ихъ лагерьѣ (*).

Императоръ, находясь еще въ Сорокахъ и узнавъ отъ Кантемира, что въ Молдавіи большой недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, далъ Князю Голицыну приказаніе прислать ему въ скорѣйшемъ времени четыре тысячи возовъ муки. Кіевскій Губернаторъ выслалъ немедленно часть требуемой провизіи. Одинъ транспортъ былъ задержанъ войсками, оставшимися въ Сорокахъ, другой прибылъ въ Яссы, но слишкомъ поздно; наконецъ третій, и самый значительный, былъ захваченъ Татарами близъ Балтиле-Кайнарулуй, при чемъ весь Русскій конвой былъ преданъ смерти.

По показанію Вольтера, Армія Петра Великаго имѣла въ рядахъ своихъ тридцать семь тысячъ человекъ, не считая Отдѣльнаго Корпуса Генерала Ренне. По мнѣнію Николая Костина, во всей арміи находилось до шестидесяти тысячъ человекъ, считая множество купцевъ, женщинъ и прислуги, которые только затрудняли движеніе.

- (*) На счетъ силы Турецкой арміи показанія различны: Николай Костинъ говоритъ, что она имѣла отъ ста пятидесяти до двухсотъ тысячъ человекъ; Брюсъ полагаетъ, что въ ней было болѣе двухсотъ тысячъ; по показанію Кантемира, она состояла изъ двухсотъ двадцати тысячъ; Вольтеръ же говоритъ, что Турки были въ числѣ двухсотъ пятидесяти тысячъ человекъ.

На другой день по прибытіи Петра Великаго въ столицу Молдавіи, въ воскресенье, 25 Іюня, Кантемиръ пригласилъ его къ обѣденному столу въ парадныхъ покояхъ дворца. Императоръ отказался сѣсть на почетное мѣсто; онъ посадилъ туда Молдавскаго Князя, а съ другой стороны Министра Гавріила Антоновича Головкина, который одинъ не ѣлъ скоромнаго. Петръ занялъ третье мѣсто; возлѣ него сидѣлъ Спатарь Оома Кантакузинъ, недавно прибывшій изъ Букареста; далѣе Валахскій Бояръ Комисъ Георгій, по прозванію Кастріотъ (*), Долгорукій второй, Михаилъ Голицынъ младшій, Савва Рагузинскій, Канцлеръ Шафировъ, Генераль Ренне и старшій сынъ Шереметева. Фельдмаршалъ, прибывшій въ Яссы въ одно время съ Кантемиромъ, былъ только нѣсколько часовъ при Императорѣ, и въ воскресенье съ наступленіемъ дня возвратился въ Чучору. Въ числѣ гостей было много Русскихъ Бригадировъ и Полковниковъ. Веселіе скоро овладѣло всѣми; тому много способствовало Котнарское вино. Въ продолженіе пира, военная музыка Князя разыгрывала Турецкія напѣвы, положенныя большею частью самимъ Кантемиромъ. Послѣ стола Императоръ призвалъ всѣхъ Бояръ и каждому наполнилъ стаканъ виномъ. Въ то же время Императрица присутствовала въ малыхъ покояхъ на большомъ обѣдѣ, къ которому приглашены были Книгиней всѣ дамы, находившіяся въ Яссахъ.

(*) Георгій Кастріотъ былъ Резидентомъ Бранкована при Петрѣ Великомъ; въ 1709 году устроилъ онъ тайный союзъ между Всероссійскимъ Императоромъ и Валахскимъ Княземъ.

Императоръ былъ высокаго роста, и при томъ вовсе не тученъ; глаза у него были черные; лицо, круглое и пѣскольно смуглое, изображало величіе, но иногда измѣнялось отъ судорожныхъ движеній. Онъ отличался отъ другихъ Монарховъ ненавистію къ блеску и роскоши; одѣяніе его было чрезвычайно просто. Онъ не окружалъ себя многочисленною свитою; два или три Офицера были при немъ для передачи приказаній. Во все время пребыванія своего въ Яссахъ, онъ не выходилъ иначе, какъ пѣшкомъ. Онъ показывалъ много расположенія и любви къ Кантемиру, нѣсколько разъ въ день обнималъ его, цѣловалъ въ глаза, въ голову, въ щеки, однимъ словомъ ласкалъ его, какъ своего сына.

Все время пребыванія своего въ Яссахъ Петръ Великій употреблялъ на осмотръ монастырей, церквей и другихъ примѣчательностей въ городѣ. Болѣе всего понравилась ему церковь Голіи, «потому, говорилъ онъ, что она соединяетъ въ себѣ три рода Архитектуры,—Византійскій, Польскій и Русскій» (*).

(*) Въ понедѣльникъ утромъ, 26 Іюня, Императоръ, никого не предупредивъ, вышелъ изъ дворца чрезъ такъ-называемыя Кошюшенныя Ворота, и отправился пѣшкомъ въ монастырь трехъ Святителей, поклониться мощамъ Св. Параскевіи. Митрополитъ принялъ его со всѣмъ Духовенствомъ. Напрасно приглашалъ онъ его занять княжескій тронъ, устроенный въ главныхъ церквахъ Яссъ; Петръ отказывался, и простоялъ до конца обѣдни. По выходѣ изъ церкви, онъ пошелъ въ столовую монастыря, гдѣ кушалъ варенье. На дворѣ ожидали его въ строю Полковники, Капи-

Императоръ былъ доволенъ законами и постановленіями Молдавіи, находя ихъ благоразумными.

Султанъ, услышавъ о большихъ приготовленіяхъ Русскихъ, началъ сильно беспокоиться о послѣдствіяхъ начатой имъ войны. Всѣ Христіане могли противъ него вооружиться. Когда въ Царьградъ пришло извѣстіе о приближеніи Русскихъ къ границамъ Молдавіи, Султанъ призвалъ Іерусалимскаго Патріарха Хрисаѳа, который находился въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Валахскимъ Княземъ, и повелѣлъ ему написать сколь можно скорѣе Бранковану, чтобы онъ предложилъ Петру Великому миръ со стороны Высокой Порты. Султанъ обязывался по сему миру уступить Россіи всѣ земли до Дуная. Валахскій Князь поспѣшилъ исполнить это приказаніе; онъ отправилъ для сего въ Яссы Комиса Македона, но Императоръ отвергъ всѣ предложенія мира, и рѣшительно объявилъ, что будетъ продолжать войну (*). Болѣе всѣхъ содѣй-

таны и Поручики вновь сформированнаго Молдавскаго войска, которые тутъ же были ему представлены Кантемиромъ. Императоръ обошелъ строй, и допустилъ ихъ къ цѣлованію своей руки. Изъ монастыря Трехъ Святителей отправились всѣ пѣшкомъ въ соборъ. Посѣтивъ Митрополита, Петръ Великій, Кантемиръ и свита ихъ сѣли на лошадей, и поѣхали въ монастырь Голію, оттуда въ церковь Св. Николая, и вернулись во дворецъ весьма поздно. (Хроника Ник. Костина).

(*) Вольтеръ полагаетъ, что Бранкованъ предложилъ Петру Великому миръ безъ всякаго со стороны Великаго Визиря порученія, и что Императоръ, чувствуя, что тутъ кроется какое-либо предательство, отказалъ въ томъ.

ствовавъ къ утвержденію Петра въ этомъ намѣреніи двоюродный братъ Бранкована, Спатарь Оома Кантакузинъ, который, будучи обласканъ имъ, бѣжалъ однакожь изъ Букареста и присталъ къ Петру, въ надеждѣ получить, чрезъ его посредничество, Княжество Валахін. Явившись къ Императору, началъ онъ осуждать своего двоюроднаго брата. «Вы, Государь, отправили Бранковану, сказали онъ, триста мѣшковъ для сформированія войскъ и закупки провизій; онъ долженъ былъ съ тѣми и другими прибыть въ Фальчи на встрѣчу Вашей арміи. Поведеніе его весьма коварно; могу увѣрить Ваше Величество, что всѣ обѣщанія его останутся безъ исполненія. Онъ не доставитъ Вамъ ни войскъ, ни жизненныхъ припасовъ. Онъ имѣетъ втайнѣ намѣреніе покориться Германскому Императору, въ случаѣ побѣды Русскихъ надъ Турками. Чтобы помѣшать этому злу, оставилъ я мое отечество и пришелъ испрашивать помощи и покровительства Вашего Величества. Всѣ Бояре, купцы и весь народъ желаютъ имѣть Васъ своимъ Господиномъ, а не Цесарцевъ. Я долженъ прибавить, что Бранкованъ же затрудняетъ девятнадцати тысячамъ Сербовъ, принявшимъ Вашу сторону, переходъ чрезъ Дунай и соединеніе съ Вашею арміею. По моему мнѣнію, предстоитъ одно только средство уничтожить его происки, и именно—поручить мнѣ отрядъ легкихъ войскъ для осады и взятія Браилова. Привести о взятіи Вами этой крѣпости, войско и народъ Валахскій покинуть своего Князя и примутъ Вашу сторону. Мнѣ тогда легко будетъ закупить

потребное количество жизненныхъ припасовъ для арміи и прійти во-время въ Фальчи, съ войскомъ, которое я сформирую».

Димитрій Кантемиръ, издавна питая ненависть къ Валахскому Князю, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы совершенно очернить соперника своего въ глазахъ Императора. Онъ во всемъ одобрилъ предложеніе Кантакузина. Напрасно Гетманъ Іоаннъ Некульче совѣтовалъ ему забыть, на это время, ненависть свою къ Бранковану, и имѣть въ виду только пользу Отечества. «Экспедиція, предложенная Валахскимъ Бояромъ, говорилъ онъ, уменьшая силы арміи, безъ того довольно слабыя, можетъ затруднить успѣхъ, ожидаемый отъ войны: и потому достойна порицанія, а не одобренія». Кантемиръ остался не менѣе того при своемъ намѣреніи и Императоръ послѣдовалъ его совѣту. Генералъ Ренне почти со всею конницею, и Бригадиръ Кропоткинъ получили приказаніе идти съ Спатаремъ Юмою Кантакузинымъ въ Валахію и осадить Браиловъ (*).

(*) Противъ мнѣнія Некульче, Кантемира и Вольтера, Пик. Костинъ полагаетъ, что Петръ Великій отрядилъ Генерала Ренне для взятія Браилова тогда, когда Русская армія уже прибыла къ Рябой Могилѣ. Тотъ же Авторъ говоритъ, что Генералъ Ренне имѣлъ подъ начальствомъ своимъ двѣнадцать тысячъ отборной конницы. По взятіи Браилова, онъ долженъ былъ завладѣть мостомъ на Дунаѣ и совершенно его уничтожить, дабы отнять у Оттоманской арміи всякое средство сообщенія съ Булгаріею, и, въ случаѣ пораженія, сдѣлать отступленіе арміи невозможнымъ.

Императоръ готовился наконецъ выѣхать изъ Яссы и отправиться съ Императрицею и со всею свитою въ Чучору. Но, до отъѣзда своего, который послѣдовалъ въ понедѣльникъ, 26 Іюня, по захожденіи солнца, пригласилъ онъ Молдавскаго Князя и пятнадцать главнѣйшихъ Бояръ присутствовать при торжествѣ, которое готовилось въ лагерь. Онъ закупилъ нѣсколько бочекъ вина для солдатъ своихъ. Молдавскій Митрополитъ былъ также приглашенъ въ лагерь, чтобы отслужить тамъ обѣдню. Это торжество было назначено во вторникъ, 27 Іюня,—день, въ который случилось славнѣйшее событіе въ царствованіе Петра Великаго — побѣда при Полтавѣ. Со времени достопамятнаго пораженія Карла XII, Императоръ праздновалъ, 27 Іюня, Свое тезоименитство и побѣду надъ Шведами. Торжество во всей Россіи начиналось молебствіемъ и оканчивалось пиромъ, даваемымъ Императоромъ всеѣмъ Офицерамъ.

Въ назначенный день, Князь Кантемиръ съ Митрополитомъ и съ пятнадцатью Боярами отправился въ Чучору; Митрополитъ служилъ тамъ въ лагерной церкви. Армія была выстроена по обѣимъ сторонамъ дороги, которая вела къ церкви. По окончаніи обѣдни, залпъ шестидесяти двухъ пушекъ возвѣстилъ начало молебствія; за тѣмъ Драгуны, выстроенные въ пять рядовъ, палили бѣглымъ огнемъ. Послѣ Литургіи отправились все въ залу пиршества, устроенную изъ шести палатокъ, вмѣстѣ связанныхъ. Столъ былъ расположенъ на землѣ, а по обѣимъ сторонамъ вырыты были ямы, для удобнѣйшаго помѣщенія погѣ. Съ одной стороны

помѣстились Петръ Великій, Молдавскій Князь, Генералы, Бригадиры и Полковники, а съ другой— Молдавскіе Бояре, по званіямъ и чинамъ. Не смотря на то, что тогда былъ Петровскій постъ, всѣ Бояре ѣли скоромное; изъ любви къ Императору, они не могли скрыть своей радости, видя себя такъ хорошо принятыми и угощаемыми за Императорскимъ столомъ. Первый тостъ провозгласилъ самъ Императоръ Французскимъ виномъ, еще неизвѣстнымъ дотолѣ Молдаванамъ, которые, напившись его, потеряли чувства; всѣ—какъ Генералы, такъ и Бояре—заснули, гдѣ попало, въ палаткѣ, и проснулись только на другой день весьма поздно (*).

Въ среду, 28 Іюня, Димитрій Кантемиръ, Митрополитъ и пятнадцать Бояръ утвердили тайный договоръ, заключенный въ Ярославѣ; за тѣмъ всѣ они отправились съ Саввою Рагузинскимъ въ Яссы.

Въ четвертокъ, 29 Іюня, въ день Св. Петра, всѣ Епископы и Бояре, не присутствовавшіе при торжествѣ въ лагерьѣ, соединились, по приказанію Князя, въ дворцовой церкви, находившейся надъ парадными воротами; по окончаніи Литургіи, прочтенъ былъ помянутый договоръ и все собраніе подписало его въ присутствіи Кантемира и Саввы Рагузинскаго.

(*) По причинѣ этого пира, Бояре должны были остаться до другого дня въ лагерьѣ; ночью же почти всѣ они были обкрадены: они и слуги ихъ проснулись кто безъ pistolsовъ, кто безъ шитья, а кто безъ шпаги. (Хроника Ник. Костина).

ГЛАВА III.

Движеніе армій. Взятіе Браилова. Армія въ Стакилещехъ. Письмо Шереметева къ Визирю. Бѣдствіе армій. Нападеніе Русскихъ. Побѣда надъ Турками. Янычары отказываются сражаться. Великій Визирь предлагаетъ миръ. Переговоры. Заключеніе мира. Армія переходитъ Днѣстръ. Кантемиръ оставляетъ Молдавію.

Императоръ и Совѣтъ Его положили не спѣшить съ арміею въ Фальчи, дабы дать Кантакузину время возвратиться изъ Браилова, а Польскимъ войскамъ прійти изъ Снятина и вмѣстѣ съ тѣмъ запастись провіантомъ, въ которомъ пачинали чувствовать недостатокъ. Но Ворникъ-Дупу увѣдомилъ Императора, что Великій Визирь перешелъ уже Дунай и быстро приближается къ Яссамъ — на лѣвый берегъ Прута. Петръ Великій не медлилъ болѣе; онъ перешелъ съ войскомъ своимъ на правый берегъ (1), и приказалъ сдѣлать то же Шереметеву, который съ корпусомъ своимъ былъ впередъ (2), и

(1) «Главное намѣреніе его» — говорятъ Вольтеръ — «состояло въ томъ, чтобы помѣшать Туркамъ, расположеннымъ ниже на лѣвомъ берегу, перейти эту рѣку и приблизиться къ нему. Чрезъ этотъ маневръ Молдавія и Валахія должны были остаться въ полномъ его распоряженіи».

(2) Борисъ Шереметевъ медленно приближался къ Фальчи по правому берегу Прута, стараясь найти подножный кормъ для лошадей своихъ. Саранча покрыва густыми тучами землю и

достигъ сліянiя рѣкъ Жижiн и Прута (Гура-Жи-жiй). Фельдмаршалъ приказалъ немедленно навести мостъ на послѣдней рѣкѣ и перешелъ на правый берегъ, согласно повелѣнію.

Тогда Императоръ, сожалѣя, что поручилъ часть войскъ своихъ Оомѣ Кантакузину, послалъ ему повелѣніе возвратиться; но было уже поздно. Генералъ Ренне, прибывъ къ стѣпамъ Браилова, началъ немедленно осаду, и, по истеченіи трехъ сутокъ, успѣлъ завладѣть крѣпостью. Кантакузинъ тотчасъ же занялся закупкою продовольствiя и сформированіемъ войска. Онъ послалъ Императору подробное донесеніе о всѣхъ дѣйствiяхъ своихъ;

опустошила деревни, особенно побережья Прута. Отрядъ Татаръ неожиданно напалъ на Фельдмаршала еще прежде выступленiя его изъ лагеря. Полковникъ Григораско Иваненко, нѣсколько Офицеровъ, эскадронъ Молдаванъ, состоявшихъ въ Императорской службѣ, и отрядъ Донскихъ Казаковъ тотчасъ же перешли черезъ ровъ, окружавшій лагерь, и бросились на непріятелей. Татары обратились въ бѣгство. Русскіе, неосторожно преслѣдуя ихъ по пятамъ, вдругъ подвергнулись нападенію двухъ тысячъ Татаръ, скрывшихся во рвахъ. Преслѣдованный непріятель повернулъ назадъ; храбрый Полковникъ Григораско и нѣсколько Офицеровъ успѣли пробить себѣ дорогу черезъ ряды непріятелей и возвратиться въ лагерь; товарищи же ихъ были взяты въ плѣнъ или убиты. Между послѣдними находились до ста Молдаванъ и Штандартъ-Юнкеръ ихъ эскадрона Іоаннъ Горещъ (Мунтяуль), который предпочелъ умереть, нежели выдать штандартъ. До шестидесяти убитыхъ были привезены и похоронены въ Яссахъ. Въ этой стычкѣ Полковникъ Григораско былъ раненъ въ лѣвое плечо. (Хроника Николая Костина).

но Воринку—Дуну удалось перехватить эту депешу, которую онъ и отправилъ къ Визирю, такъ что Петръ Великій не зналъ о взятіи Браилова до самаго заключенія мира (*).

Настигнувъ Шереметева у Гура-Жижиі, Петръ Великій раздѣлилъ армію свою на три корпуса.

(*) Николай Костинъ описываетъ слѣдующимъ образомъ взятіе Браилова :

«По прибытіи Русской арміи къ Рябой Могили, Царь приказалъ Генералу Ренне, извѣстному воину, выступить съ двѣнадцатю тысячами человекъ конницы и итти съ Валахскимъ Спатаремъ Оомю Кантакузиномъ на Браиловъ; завладѣвъ же этимъ городомъ, перейти Дунай и разрушить мостъ, построенный Великимъ Визиремъ на этой рѣкѣ. Это распоряженіе отнимало у Визиря возможность отретироваться, въ случаѣ пораженія, или получать новыя подкрѣпленія изъ Турціи. Генералъ вполнѣ исполнилъ бы это порученіе, тѣмъ болѣе, что корпусъ его состоялъ изъ отборныхъ войскъ, если бы самъ Царь не воспрепятствовалъ ему. Ренне отправился сначала въ городъ Фокшаны, одна половина коего принадлежала Молдавіи, а другая Валахіи, и въ сопровожденіи многихъ Валаховъ направился на Браиловъ, куда за нѣсколько дней предъ тѣмъ прибылъ братъ Николай Маврокордато, бывшаго Господаря Молдавіи, Іоаннъ, которому Великій Визирь поручилъ управленіе Молдавіею, за отсутствіемъ Князя. Іоаннъ Маврокордато, услыхавъ о приближеніи Русскихъ, возвратился за Дунай.

«Въ Четвертокъ вечеромъ, 3 Іюля 1711 года, Генералъ Ренне явился предъ Браиловомъ. На другой день, 6 числа, войска, сдѣлавъ приготовленія къ приступу, съ яростію нанали на Янычаръ, въ ихъ укрѣпленіяхъ. Непріятель оказалъ сильное сопротивленіе; но, видя наконецъ невозможность вынести огонь гренадеръ, принужденъ былъ оставить свои позиціи. Въ это время часть Русскихъ войскъ успѣла помѣститься

Первый, служившій авангардомъ, состоялъ изъ семи тысячъ Русскихъ, пяти тысячъ Молдаванъ и нѣсколькихъ эскадроновъ Донскихъ Казаковъ, и находился подъ начальствомъ Генерала Януса. При второмъ, состоявшемъ изъ пятнадцати тысячъ человекъ отборнаго войска, находились: Императоръ, Молдавскій Князь и Фельдмаршалъ Шереметевъ. Наконецъ третій корпусъ, подъ начальствомъ Генерала Репнина, состоялъ изъ пѣхоты. Корпуса находились на разстоянн двухъ миль одинъ отъ другаго. Саранча совершенно опустошила всѣ поля отъ Гура-Жижій до Гура-Сарачій. Первые два корпуса, имѣя съ собою менѣе подводъ, спѣ-

между крѣпостью и Дунаемъ. Обложивъ такимъ образомъ Браиловъ почти со всѣхъ сторонъ, Генералъ приказалъ Гренадерамъ стрѣлять чрезъ стѣны, такъ что большое число женщинъ и дѣтей были побиты. Осажденные, видя, что даже сообщеніе съ Дунаемъ прервано, потеряли всякую надежду на успѣхъ обороны; въ Субботу, 7 Іюля, при восходѣ солнца, крѣпость сдалась; на Турецкой сторонѣ убитыхъ было 543 человека, а пленныхъ 100; Русскихъ убито было 53 человека и 78 ранено.

«Генералъ Ренне уже располагался разрушить мостъ, построенный въ Исакѣ, какъ въ Понедѣльникъ вечеромъ, 16 Іюля, прибылъ въ Браиловъ посланный отъ Великаго Визиря, съ Русскими Коммиссарами, съ извѣстіемъ о мирѣ. Русскія войска тотчасъ вышли изъ крѣпости и возвратили Туркамъ пленныхъ, за исключеніемъ шестидесяти Турецкихъ дѣвушекъ, которыхъ они скрытно увели съ собою. Всѣ эти обстоятельства переданы мнѣ Капитаномъ Жуаномъ, который находился въ Браиловѣ съ войсками Царя.

«Во вторникъ 18 Іюля, Генералъ Ренне отправился изъ Браилова, перешелъ Сиреть въ Максимени и направился въ Верхнюю Молдавію, вдоль по этой рѣкѣ. Перейдя Дибъстръ въ Хотинѣ, онъ возвратился въ Россію чрезъ Польшу». {

шили въ Сарачу, гдѣ было нѣсколько травы. Тамъ должны были они ожидать третій корпусъ, который шелъ медленно, потому что люди были утомлены и при немъ находились самыя тяжелыя подводы и большое число больныхъ; не трудно большыя должны были идти пѣшкомъ.

Въ такомъ порядкѣ шла армія вдоль праваго берега Прута, поспѣвая, по мѣрѣ возможности, къ Сарачѣ. Татары слѣдили, лѣвымъ берегомъ, за Русскимъ аріергардомъ. По ночамъ видны были по обѣимъ сторонамъ рѣки огни биваковъ, которые свѣтились какъ звѣзды. Татары, особенно же Буджакцы, не осмѣливались перейти рѣки: потому что армія Царя, сопровождаемая множествомъ подводъ, казалась весьма сильною. Они хотѣли остаться зрителями войны, ожидая побѣды на сторонѣ Русскихъ, чтобы имъ покориться (*).

(*) Татары не осмѣливались сначала нападать на Русскихъ; но когда Императоръ перешелъ на правый берегъ Прута, то они подумали, что онъ побужденъ былъ къ тому страхомъ и ободрились. Они начали преслѣдовать и беспокоить армію во время движенія ея къ Фальчи; босые, имѣя вмѣсто всякой одежды только рубаху, а оружіемъ только пикку, они бросались на лошадей своихъ въ рѣку, а, переплывъ ее, нападали съ быстротою молніи на слабыя стороны арміи; набравъ, сколько возможно, добычи и плѣнныхъ, они такимъ же образомъ возвращались чрезъ Прутъ, повторяя безпрестанно тѣ же нападенія.

Лишь только Императоръ оставилъ Яссы, Татары завладѣли всѣми сообщеніями между столицею и арміею. Многіе продавцы жизненныхъ припасовъ лишились жизни, не успѣвъ получить барышей, которые надѣялись извлечь отъ сбыта войскамъ провизіи за дорогую цѣну. Дороговизна была столь велика въ арміи, что мѣшокъ муки стоилъ шесть

Въ субботу, 7 Іюля, Генералъ Янусъ прибылъ съ корпусомъ своимъ къ болоту у Гура-Сарачія, въ недалекомъ разстояніи отъ Прута. Турки находились уже въ томъ мѣстѣ на лѣвомъ берегу; уже три моста были наведены на рѣкѣ, и непріятель начиналъ переходить по нимъ. Генералъ отправилъ курьера, извѣстить о томъ Императора и просилъ, чтобы вся армія, безъ малѣйшей потери времени, къ утру спѣшила на помощь, дабы удержать непріятеля; въ противномъ же случаѣ, Янусъ просилъ отозвать его въ лагерь, чувствуя себя слишкомъ слабымъ, чтобы рѣшиться на сраженіе. Петръ Великій находился въ Гура-Прутецулуй. Видя, что пѣхота едва успѣла достигнуть Рябой Могилы, и что, слѣдовательно, даже на другой день не можетъ приблизиться къ Турецкой арміи, онъ отправилъ Молдавана къ Генералу Яну-

рублей, а за хлѣбъ въ шестьдесятъ драхмъ платили шесть копеекъ или двѣнадцать бановъ. У солдатъ было довольно денегъ; но за недостаткомъ продовольствія, они впадали въ болѣзни и умирали отъ голода. Недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ происходилъ отъ сарачи, которая четыре года сряду уничтожала посѣвы: это была одна изъ главнѣйшихъ причинъ неудачи Русскихъ. Императоръ приказалъ закупить около тысячи быковъ для продовольствія арміи, дабы замѣнить тѣмъ недостатокъ хлѣба; но, къ несчастію, почти весь скотъ попался въ руки Татарамъ. По выступленіи арміи, три тысячи возовъ, нагруженныхъ припасами, прибыли подъ сильнымъ конвоемъ въ Яссы; но такъ какъ всѣ сообщенія съ арміею были прерваны, то транспортъ этотъ остался безъ всякой пользы въ городѣ, до возвращенія Императора по заключеніи мира.

Самая большая ошибка, сдѣланная Русскими при открытіи кампаніи, было разъединеніе войскъ. Значительная часть

су, съ повелѣніемъ возвратиться въ ту же ночь и присоединиться къ Корпусу Шереметева. Янусъ выступилъ съ войскомъ своимъ ночью, въ одиннадцать часовъ.

Стукъ телегъ смутилъ—было Турокъ, которые намѣревались уже возвратиться на лѣвый берегъ; но одинъ изъ Пашей замѣтилъ Визирю, что этотъ стукъ постепенно удаляется. Тогда Колчасъ Булукбаша, ренегатъ, родомъ изъ Боснякскихъ Сербовъ, отправленъ былъ для рекогносцировки. Онъ донесъ, что Русскіе отступаютъ. Увѣрившись въ томъ, Турки успокоились и во всю ночь продолжали переходъ на правый берегъ Прута. За эту счастливую вѣсть Колчасъ былъ въ послѣдствіи пожало-

ихъ оставлена въ Сорокахъ; другой отрядъ былъ посланъ, какъ мы уже сказали, для осады Браилова; Полковникъ Гингуль, одинъ Майоръ, пятьсотъ Русскихъ солдатъ, двѣсти Казаковъ съ городскими жандармами остались въ Яссахъ для конвоя Молдавской Княгини, и вмѣстѣ съ тѣмъ для защиты столицы; Полковникъ Кигешъ, родомъ Молдаванъ, изъ Кигешскаго лѣса, былъ отправленъ съ отрядомъ въ монастырь Бурсучи, чтобы схватить Бояра Лупу.

Генералъ Янусъ, имѣя подѣ начальствомъ своимъ Полковника Танскаго съ полкомъ его и нѣсколько эскадроновъ Донскихъ Казаковъ, командовалъ авангардомъ; ему поручено было также уничтожить мосты, построенные Турками на Прутѣ при Гура Сарачин, въ Витрисое, и воспрепятствовать непріятелю переходъ чрезъ рѣку. Но Бальтаджи предупредилъ его: достигнувъ уже этого пункта со всемъ войскомъ своимъ, онъ началъ переправу на правый берегъ Прута. При самомъ началѣ дѣйствій своихъ, Турки совершенно уничтожили предначертанія Кантемира, который, находясь еще въ Яссахъ, назначилъ Русскимъ дневки и привалы для похода къ Дунаю, полагая вѣроятно, что въ это время непріятель будетъ спать.

ванъ въ трехбучужные Паши и назначенъ Губернаторомъ Хотина. Генералъ же Янусъ прибылъ съ разсвѣтомъ и безъ малѣйшей потери въ Каселе-Банулуй, близъ Гура-Прутецулуй, гдѣ находился Императоръ.

Только на другой день, съ восходомъ солнца, въ Воскресенье 8 Іюля, пустились Турки съ неимоверною быстротою въ погоню за Русскими. По приближеніи ихъ къ лагерю, четыре тысячи Русской пѣхоты выступили нѣсколько впередъ и заняли позицію близъ болота, пазываемаго Балта-Прутецулуй. Фланги ихъ были подкрѣплены нѣсколькими отрядами Казаковъ. Димитрій Кантемиръ съ четырьмя тысячами Молдаванъ всталъ въ параллельную линію съ Русскимъ отрядомъ, но нѣсколько выше. Бой пачался между войсками Князя и Турками. Молдаване были большею частию новобранцы, не знавшіе никакой тактики, никогда не видавшіе непріятельскаго огня и худо вооруженные. Они выдержали однакожь довольно хорошо первые напоры непріятеля; но Турецкая конница, отлично вооруженная, бросилась и опрокинула ихъ. За Молдаванами не было конницы для подкрѣпленія ихъ: потому что большая часть ея была откомандирована къ осадѣ Браилова; они обратились въ бѣгство и удалились за лагерь.

Тогда Турки обратили все усиліе свое на четыре тысячи Русскихъ; атака была сдѣлана съ такою яростью, что, казалось, лошади сомнутъ пѣхотинцевъ; вышло иначе: Русскіе встрѣтили сильнымъ огнемъ нападавшихъ и мужественно отразили ихъ. Казаки, находившіеся на флангахъ, были

въ свою очередь атакованы; непріятель кружился около нихъ, какъ вихрь, стараясь всячески отдѣлать ихъ отъ пѣхоты, которая съ одной стороны была защищена болотомъ Балта-Прутецулуй. Наконецъ число Турокъ такъ увеличилось, что Русскіе и Казаки отретировались медленнымъ шагомъ и заняли прежнюю позицію свою въ лагерь (*).

Съ самаго утра до глубокой ночи, несмѣтная армія Турокъ не преставала окружать Русскихъ и занимать позиціи вдоль холмовъ. Татары, находившіеся на лѣвомъ берегу Прута, толпами переходили чрезъ рѣку повыше города Гуши, опустошая, какъ алчные волки, все что попадалось имъ на пути.

Въ теченіе дня непріятель пытался нѣсколько разъ нападать на Русскій лагерь, но всякій разъ былъ отражаемъ огнемъ артиллеріи. Императоръ занялъ позицію вдоль Балты-Прутецулуй. До сумерекъ Русскіе и Турки имѣли нѣсколько легкихъ стычекъ.

Въ тотъ же день, въ Воскресенье вечеромъ, третій корпусъ, самый значительный въ арміи,

(*) Вольтеръ, Кантемиръ и Николай Костинъ полагаютъ, что Янусъ былъ преслѣдованъ Турками отъ Гура-Сарачи до Гура-Прутецулуй, гдѣ находился Корпусъ Шереметева. Кантемиръ упоминаетъ также о битвѣ между Молдаванами и Турками. «Генералъ Янусъ»—говоритъ онъ—«построилъ въ каре свое малое войско и отступалъ медленно, защищаясь отъ нападеній непріятеля. Несмѣтныя войска, тѣсвившія его, не помѣшали ему подвигаться. Когда онъ былъ уже близко къ лагерю, Кантемиръ, Князь Молдавіи, выступилъ съ войскомъ своимъ къ нему на помощь, и въ продолженіе трехъ часовъ сражался съ шестидесятью тысячами Турецкой и Татарской конницы; ему удалось отразить ихъ, однакожь не безъ потерь».

подъ начальствомъ Репнина, прибылъ къ селенію Станилещи; но, не смотря на всѣ усилія, не могъ достигнуть Гура-Прутецулуй. Это замедленіе весьма беспокоило Петра. Онъ рѣшился обратиться назадъ, чтобы выбрать болѣе удобный лагерь. Во второмъ часу по полуночи, предавъ пламени весь ненужный багажъ, онъ покинулъ съ войскомъ своимъ Каселе-Бацулуй, и возвратился на Ясскую дорогу, чтобы соединиться съ пѣхотою, которая оставалась назади. Отступленіе было сдѣлано при совершенной темнотѣ. Непріятель нисколько не потревожился отъ шума, произведеннаго Русскими. Турецкіе и Татарскіе огни свѣтились вдоль холмовъ, отъ Гура-Прутецулуй до самаго лѣса, и на всемъ пространствѣ до Гуши.

Въ Понедѣльникъ 9 Іюля, на разсвѣтѣ, всѣ три корпуса соединились въ Станилещахъ, у подошвы холмовъ. Позиція была занята; пѣхота укрѣпила лагерь рогатками; подводы и конница расположились въ срединѣ за укрѣпленіями (*). Съ на-

(*) Брюсъ рассказываетъ тѣ же обстоятельства. «Турки раздвинули» — говоритъ онъ — «свою многочисленную армію, чтобы окружить насъ и отрѣзать отъ рѣки. Мы стояли подъ ружьемъ до самой ночи и, узнавъ объ ихъ намѣреніи, направились назадъ въ большомъ безпорядкѣ, чтобы овладѣть рѣкою. При этомъ, въ темнотѣ, дивизіи наши отдѣлились одна отъ другой. Имѣя большой недостатокъ въ лошадяхъ, мы сожгли большую часть фуража съ багажами, дабы они не попали въ руки непріятелей. За огнемъ, разведеннымъ нами ночью, непріятель не видалъ нашей суматохи, которая дала бы ему самый удобный случай уничтожить всю нашу армію. По счастью, Турки, казалось, думали болѣе о собственной своей безопасности, нежели о нашей гибели: потому что они такъ заняты были своими укрѣпленіями, что вовсе

ступленіемъ днѣ, Турки увидѣли, что лагерь Русскихъ покинуть и пустились за ними въ погоню; настигнувъ ихъ, прежде нежели они успѣли вполнѣ укрѣпиться, Турки сдѣлали атаку и успѣли захватить сто возовъ, не заѣхавшихъ еще за ретраншаменты.

Во все это время, Молдаване спокойно оставались въ срединѣ лагерь. Турки нѣсколько разъ возобновляли атаку, но безъ успѣха. Особенно артиллеристы ихъ были весьма неловки: ядра лѣтали гораздо выше головъ. Иногда пускали они бомбы, но шныя лопались въ воздухъ, другія падали за рогаткою. Пока Турки стрѣляли такъ неудачно, въ Русскихъ полкахъ играла музыка и раздавались трубы. Такимъ образомъ сражались во всю ночь.

Русскіе не дѣйствовали еще наступательно, Турки же безпрестанно возобновляли атаки. Во Вторникъ утромъ 10 Іюля, вся ихъ армія построила батареи по обѣимъ сторонамъ лагерь, который былъ заключенъ въ огненный кругъ. Отъ дыма, пушечной и ружейной пальбы, солдаты едва могли видѣть товарищей своихъ. Виденъ былъ только огонь артиллеріи, подобно пожару, усиливавшемуся отъ бури.

При новой атакѣ Кантемиръ совѣтовалъ Императору соединить всѣ обозы и поручить охраненіе ихъ Полковнику Миргородскому съ семью тысячами Казаковъ и тремя тысячами пѣхоты, для защиты ихъ отъ непріятельской конницы; армію же

не обращали на насъ вниманія. На разсвѣтъ, разсѣяныя войска наши были приведены въ порядокъ и армія наша составила каре, примыкавшее одною стороною къ рѣкѣ. Вагоны были поставлены посрединѣ для защиты женщинъ.

послать на приступъ Турецкихъ баттарей и вытѣснить Янычаръ изъ ихъ позиціи; увидѣвъ пораженіе ихъ, конница (Спаги), по обыкновенію своему, обратится въ бѣгство, какъ это случилось въ сраженіи при Петервардинѣ, выигранномъ Цесарцами. Петръ Великій отвѣчалъ ему: «Ты такъ полагаешь, несчастный человѣкъ; но если я и успѣю побѣдить Янычаръ, то съ чѣмъ обращу въ бѣгство Спаговъ, которые еще многочисленнѣе ихъ».

Напрасно надѣялся Императоръ получить отвѣтъ на письмо Шереметева; Великій Визирь, вмѣсто отвѣта, приказывалъ дѣлать новыя атаки. Въ одно изъ этихъ сраженій пошелъ мелкій дождь. Это чрезвычайно напугало Молдаванъ: они боялись, чтобы непріятельская конница не воспользовалась имъ и не возобновила бы атаки съ большею яростью, между тѣмъ какъ у Русскихъ ружья будутъ замочены; но Русскіе ни чуть о томъ не беспокоились. Напротивъ того, они старались ободрить Молдаванъ, говоря имъ, что при Полтавѣ дожди были сильнѣе, что огонь Шведовъ былъ гораздо страшнѣе Турецкаго, и что не смотря на то они остались побѣдителями. Чрезъ полчаса дождь пересталъ, и солнце начало грѣть болѣе прежняго. Жаръ былъ нестерпимъ. Русскіе страдали отъ недостатка воды: у нихъ не было обыкновенія, какъ у Турокъ, возить за собою бочки съ водою. Императоръ приказалъ Молдаванамъ набрать ее въ Прутѣ, въ бочки, ведра и пузыри; для этого выливали вино и медъ, чтобы имѣть болѣе сосудовъ. Нарочные Комиссары были назначены для присмотра за водою и

за раздачею ея войскамъ. Молдаванамъ щедро платили за труды.

Хотя разстояніе между обѣими арміями было весьма значительно, однакожь Русскіе много страдали отъ огня Янычаръ, которыхъ длинныя пищади были гораздо далѣе Русскихъ ружьевъ. До сихъ поръ Императоръ удерживался отъ наступательныхъ дѣйствій; всѣ его движенія ограничивались только обороною, и это было одною изъ главнѣйшихъ причинъ перевѣса Турокъ. Но такъ какъ непріятель безпрестанно усиливался, то надлежало предпринять что-нибудь рѣшительное, чтобы спасти армію. Во Вторникъ, около полудня, рѣшено было дѣйствовать наступательно; всѣ войска оставили свои позиціи и приблизились на полтораста шаговъ къ Турецкимъ баттареймъ. Это движеніе было присовѣтовано Нѣмецкимъ Генераломъ Видманомъ, который, явившись къ Императору, сказалъ ему: «Государь, зачѣмъ дѣйствуемъ мы безъ всякаго порядка, зачѣмъ не придерживаемся единственной тактики, возможной съ Турками? Я часто съ ними сражался, служа въ Цесарской арміи; мнѣ извѣстно искусство побѣждать ихъ. Дайте мнѣ Ваше полномочіе и я въ теченіе трехъ часовъ разобью Великаго Визиря». Императоръ согласился. Указомъ, сообщеннымъ войскамъ, Видманъ назначенъ былъ Главнокомандующимъ. Онъ тотчасъ же приказалъ всѣмъ другимъ Генераламъ и Командирамъ готовиться къ атакѣ и ожидать перваго сигнала. Приступая къ сраженію, онъ сдѣлалъ необходимыя распоряженія, для большей увѣренности въ побѣдѣ: сократилъ задній рядъ въ арміи и усилилъ тѣмъ фронтъ; аріергардъ былъ

дополненъ Молдаванами и Казаками. Когда боевой порядокъ былъ устроенъ, Императоръ пошелъ лично ободрять войска; тогда-то Видманъ, замѣтивъ одного Поручика, прятавшагося за солдатъ, пронзилъ его своею шпагою въ присутствіи Петра Великаго. Съ обнаженнымъ мечемъ шелъ онъ на пять шаговъ впереди войскъ, ободрялъ солдатъ, скомандовалъ скорый маршъ и приказалъ гренадерамъ стрѣлять. Вовсе не ожидая такого нападенія, Турки смутились; одни спасались за баттарей, другіе начали убирать пушки, намѣреваясь обратиться въ бѣгство. Тогда-то непріятельское ядро поразило Генерала Видмана и убило его на мѣстѣ; также Генераль Волконскій былъ раненъ въ плечо пулею, но не смертельно. Атака поведена на всѣхъ пунктахъ и кровопролитію не было границъ. Императоръ былъ живо тронутъ смертью своего Генерала и столькохъ храбрыхъ. Въ это время огонь началъ слабѣть съ обѣихъ сторонъ. Великій Визирь, не смотря на понесенныя имъ великія потери, хотѣлъ продолжать сраженіе; ободряя голосомъ и примѣромъ свои войска, онъ призывалъ ихъ продолжать сраженіе еще часа два и обѣщалъ, что если въ теченіе этого времени не останется побѣдителемъ, то возвратится по прежней дорогѣ, вытѣснить Буджакцевъ изъ ихъ владѣній и поселить ихъ на правомъ берегу Дуная. Спаги готовы были возобновить атаку; но Янычары, поссорившись съ своими Офицерами, которые хотѣли продолжать бой, рѣшительно взбунтовались. «Мы не хотимъ болѣе сражаться, кричали они; развѣ Визирь хочетъ всеобщей нашей гибели? Мы едва всѣ не погибли

въ послѣдней атакѣ, и если бы она продолжалась еще нѣсколько времени, то ни одинъ изъ насъ не возвратился бы. Нѣтъ, мы не идемъ болѣе на непріятеля! Довольно того, что половина нашихъ товарищей осталась на полѣ сраженія, и что остальные, успѣвшіе спастись, всѣ покрыты ранами. Мы не хотимъ болѣе войны; пусть Визирь заключаетъ скорѣе миръ, какъ приказано ему Султаномъ». Бальтаджи, видя изъ криковъ этихъ, что большая часть войскъ его возмущалась противъ него, и что съ другой стороны ярость нападающихъ увеличивается, страшился погубить армію, а съ нею и Имперію; онъ принужденъ былъ уступить, и послалъ въ Русскій лагерь Имбругора Черкеса Мегемета Пашу для переговоровъ и прекращенія битвы (*).

(*) Здѣсь находится большое разногласіе между иностранными Историками и Молдавскими Лѣтописцами.

Первые, слѣдуя Норбергу, панегиристу Карла XII и клеветнику Петра Великаго, полагаютъ всѣ, что Русскіе первые просили мира, и что Екатерина искупила его подарками, сдѣланными Великому Визирю и его Намѣстнику. То и другое кажется мнѣ ложнымъ. Въ положеніи, въ которомъ находился Императоръ, испрашивать миръ, значило бы сознаться въ своей слабости и закрыть себѣ послѣдній путь къ спасенію, теряя такимъ образомъ всякій вѣсъ въ глазахъ непріятеля. Что же касается упрека, дѣлаемаго Визирю Бальтаджи, что онъ польстился Русскими деньгами, то достаточно прочесть Вольтера, чтобы убѣдиться, какъ далекъ упрекъ этотъ отъ правдоподобія; и дѣйствительно, вѣроятно ли, чтобы намѣстникъ Оттоманской Имперіи, располагавшій по волѣ своей всѣми сокровищами Востока, измѣнилъ своему отечеству за нѣсколько тысячъ рублей. Обвиненіе это уничтожается само собою.

Молдавскіе Лѣтописцы, то есть Іоаннъ Некулъче и Николай Костинъ, хотя различныхъ мнѣній, однакожь на этотъ

Непріязненные дѣйствія были немедленно прекращены между обѣими арміями. Шереметевъ и всѣ другіе Генералы, изнеможенные войною, продолжавшеюся нѣсколько лѣтъ то съ Шведами, то съ Турками, настаивали на заключеніе мира. Императрица просила также Императора принять во

счетъ единогласны; оба—очевидны всѣхъ описываемыхъ или событій, удостоверяютъ и доказываютъ фактами, что Турки первые просили мира. Такъ—какъ это обстоятельство весьма важно, то приведемъ, для сравненія съ разсказомъ Некульче, отрывокъ изъ Костана о томъ же предметѣ:

«Въ понедѣльникъ 9 Іюля, говорятъ онъ, съ разсвѣтомъ приблизились Янычары къ Русской арміи, соединившейся въ Станиславахъ. Построивъ баттарей и укрѣпившись въ мѣстѣ, называемомъ Валеа-рыоасъ (Валеа-ржіоасъ), они атаковали лагерь съ Западной стороны. Сраженіе было столь жаркое, что дымъ артиллеріи и ружьевъ затмилъ солнце; не лѣзя ничего было слышать отъ шума кононады и криковъ сражающихся. При этой атакѣ непріятель такъ приблизился къ лагерю, что одному Янычару, какъ увѣряютъ, удалось захватить за рогатку. Турки, завладѣвъ равниною Прутетцу, построили тамъ новыя баттарей, которыя дѣлали большія опустошенія между Русскими, пока они не узнали, откуда направлены были удары.

Императоръ, бывшій впереди войскъ, повелѣлъ гренадерскимъ ротамъ идти на приступъ. Вдругъ все пришло въ движеніе; всѣ роты выступили одна за другою. По приближеніи нападающихъ, войска Великаго Визиря покинули ретраншаменты, оставивъ пять пушекъ въ рукахъ побѣдителей. Въ этой атакѣ легло, какъ полагаютъ, семь тысячъ Янычаръ (*); другіе говорятъ, что ихъ погибло и болѣе. Извѣстно только, что эта сильная атака заставила Турокъ поспѣшно покинуть свои позиціи. Битва между обѣими арміями продолжалась такимъ образомъ днемъ и ночью, съ утра Понедѣльника, въ продолженіе всего Вторника до

(*) Рейхе, см. Peter der Grosse, стр. 130, считаетъ также 7.000 убитыхъ.

вниманіе желаніе войска. Только Нѣмецкіе Генералы и Молдаване были противнаго мнѣнія: первые кричали, что не надобно полагаться на Турокъ, и что въ послѣдствіи придется раскаяться въ этомъ. Что же касается Кантемира и Бояръ его, то кто за-

позднѣго вечера. Наконецъ Турки, испуганные несмѣтными потерями, понесенными ими, прекратили непріязненные дѣйствія. Причиною ихъ мирнаго расположенія считаютъ также полученную ими вѣсть о взятіи Браилова Генераломъ Ренне (*). Устрашенные этими двумя неудачами, они отправили одного Турка въ Императорскій лагерь съ предложеніями мира. Между тѣмъ Русскіе приготовились къ новой атакѣ, какъ къ послѣдней надеждѣ на спасеніе; войска ихъ терпѣли ужаснымъ образомъ отъ голода и жажды, подкрѣпляясь только виномъ. Лошади ихъ были еще въ худшемъ состояніи: потому что невозможно было сдѣлать шага за укрѣпленія, чтобы достать воды и травы. Кавалеристы, находившіеся близъ берега Прута, покрытаго лѣсомъ, срывали кору съ деревьевъ и тѣмъ подкрѣпляли нѣсколько своихъ лошадей. Если бы непріязненные дѣйствія продолжались еще 3 или 4 дня, то вся конница осталась бы безъ лошадей, и армія находилась бы въ необходимости сдаться: потому-то предложенія Великаго Визиря были приняты безъ большаго затрудненія. Во Вторникъ 11 Юля, въ полдень, миръ былъ заключенъ. Русскіе отправили заложниковъ Михаила, сына Фельдмаршала Шереметева, и Вице-Канцлера Барона Петра Шафирова. Условіями мира были: сдача Азова и уничтоженіе новой крѣпости, построенной на Крымской границѣ. Съ обѣихъ сторонъ договоръ былъ свято исполненъ.

Кантемиръ говоритъ весьма мало о самомъ сраженіи,—важнѣйшемъ событіи кампаніи, однакожь упоминаетъ о возмущеніи Янычаръ, въ чемъ совершенно согласенъ съ Некульче; «Турки открываютъ страшный огонь по Русскому лагерю изъ четырехсотъ семидесяти пушекъ, и Янычары сдѣлали

(*) Вольтеръ также считаетъ взятіе Браилова Русскими причиною заключенія мира.

хотѣлъ бы ихъ слушать, когда всѣ Русскіе и особенно Императрица, настаивали на прекращеніи непріязненныхъ дѣйствій. Изъ Русскихъ одинъ наставникъ Петра, который сопровождалъ въ эту кампанію бывшего ученика своего, былъ того мнѣнія, что слѣдуетъ продолжать войну; Молдаване воспользовались этимъ расположеніемъ и умаливали его употребить всѣ усилія, чтобы отклонить Императора отъ заключенія мира. Петръ Великій уже колебался; наконецъ Императрица превозмогла, и положено было заключить миръ.

Императоръ избралъ трехъ Сановниковъ: Канцлера Шафирова, старшаго сына Шереметева и Савву Рагузинскаго, и отправилъ ихъ къ Бальтаджи. На вопросъ Великаго Визиря — находится ли Императоръ при арміи, они отвѣчали отрицательно и объявили, что войскомъ предводительствуетъ Шереметевъ.

Русскіе Коммиссары предложили слѣдующія главныя условія мира:

семь атакъ, одну за другою, на ретраншаменты. Хотя Русскіе имѣли только тридцать пушекъ и ощущали недостатокъ въ продовольствіи, особенно же въ фуражѣ, однакожь, не смотря на все это, они противостояли ярости Янычаръ съ непоколебимымъ мужествомъ.

Такимъ образомъ сражались въ продолженіе трехъ сутокъ съ большимъ ожесточеніемъ и съ малымъ успѣхомъ съ той и другой стороны. Наконецъ на четвертый день дымъ замѣнился миромъ. Турки согласились на оный тѣмъ охотнѣе, что во всемъ ихъ лагерѣ раздавались жалобы: ибо отраженные Янычары съ трепетомъ взирали на непріятельскія укрѣпленія, предъ которыми легло столько товарищей ихъ». Исторія Оттом. Имперіи Т. IV, стр. 426 и 427.

За опустошенія, причиненныя Татарами въ Русскихъ Провинціяхъ, Турція уступить Россіи все пространство до Дуная, какъ то было предложено Великимъ Комисомъ (Шталмейстеромъ) Македономъ, которому поручилъ Бранкованъ сдѣлать Императору мирныя предложенія отъ имени Султана.

Выслушавъ ихъ, Визирь улыбнулся и отвѣчалъ: то былъ торгъ, а теперь другой. Татары разорили ваши провинціи за то, что вы уже нѣсколько лѣтъ отказываетесь давать имъ тридцать тысячъ мѣховъ, которые вы обязаны были имъ доставлять (*). Теперь моя очередь требовать:

1) Вы не будете беспокоить Шведскаго Короля, при возвращеніи его съ войскомъ въ отечество, и отдадите ему всѣ провинціи, которыя вы у него отняли. Тридцать тысячъ Турокъ будутъ сопровождать Короля въ его владѣнія.

2) Выдадите измѣнника Кантемира.

3) Возвратите Азовъ съ Округомъ и съ доходами его.

4) Уничтожьте Троицкую крѣпость, построенную вами на Турецкой землѣ, и обяжетесь никогда ее не возобновлять.

5) Россія заплатитъ Турціи контрибуцію и вознагражденіе за издержки войны.

(*) Вольтеръ, въ своей Исторіи Карла XII, въ концѣ пятой книги, также упоминаетъ объ этой унизительной дани, отъ которой Пётръ Великій освободилъ свое Отечество, съ тою только разницею, что, по его мнѣнію, дань эта составляла сорокъ тысячъ секиновъ въ годъ, а не мѣховъ, какъ говорить Некульче.

6) Россія уничтожитъ укрѣпленія, построенныя на границѣ вдоль Днѣпра.

7) Россія возвратитъ Польшу Украину по сю сторону Днѣпра.

8) Русскія войска очистятъ Браиловъ и спокойно возвратятся въ свое отечество, и

9) Въ случаѣ, если Русскія войска проникли въ Крымъ, то они выступаютъ оттуда немедленно по объявленіи мира.

На эти условія Русскіе отвѣчали:

1) Мы дозволимъ Карлу XII возвратиться въ Швецію, чрезъ Россію, съ конвоемъ тридцати тысячъ Турокъ. Провинцій же и городовъ, у него отнятыхъ, мы не можемъ отдать ему назадъ; но когда онъ возвратится въ свое отечество, то мы выберемъ въ посредники сосѣднихъ Королей, которые рѣшатъ: что мы должны возвратитъ и что оставить за собою.

Визирь согласился, не слишкомъ беспокоясь о Шведскомъ Королѣ, который оказалъ предъ нимъ высокомеріе и не сдѣлалъ ему посѣщенія, ожидая, чтобы Бальтаджи прежде посѣтилъ его и пришелъ бы совѣтоваться съ нимъ на счетъ военныхъ дѣйствій. По счастію для Русскихъ, Карлъ XII не явился въ Турецкую армію, въ противномъ случаѣ Императоръ былъ бы въ большомъ затрудненіи (*).

(*) Была еще прибавлена статья на счетъ Шведскаго Короля, и эта статья показывала, какъ недоволенъ былъ имъ Визирь. Положено было, что Царь не будетъ беспокоить Короля, въ случаѣ если онъ возвратится въ отечество, и что, впрочемъ, они могутъ, если захотятъ, заключить между собою миръ. Странное выраженіе этой статьи ясно доказываетъ, что Бальтаджи-Мегметъ помнилъ высокомеріе Карла XII. И какъ

2) Мы не можемъ выдать вамъ Димитрія Кантемира, потому что при первой атакѣ Турецкой арміи онъ пропалъ безъ вѣсти.

Великій Визирь отвѣчалъ: пусть будетъ такъ. Изъ-за гяура двѣ большія Имперіи не станутъ продолжать войны. Оставьте его; ему скоро надоѣстъ домогательство его. Онъ добровольно возвратится къ намъ.

3) Мы возвратимъ Азовъ съ Округомъ и доходами его.

4) Троицкая крѣпость, хотя выстроенная съ большими издержками, будетъ скрыта и никогда не будетъ возобновлена.

5) Россія никогда не будетъ платить контрибуціи Портѣ, но мы согласны заплатить тысячу мѣшковъ за издержки войны.

6) Укрѣпленія, построенныя на границѣ, у Днѣпра, будутъ уничтожены.

7) Украина будетъ возвращена Польшѣ.

8) Русскія войска очистятъ Браиловъ.

9) Въ случаѣ, если бы Русскія войска заняли уже Крымъ, имъ приказано будетъ немедленно оттуда выступить.

На этихъ-то условіяхъ, принятыхъ Великимъ Визиремъ, заключенъ былъ миръ между Турками и Русскими, во Вторникъ 11 Іюля. Канцлеръ Шафировъ и сынъ Шереметева остались заложниками въ

знать, не расположило ли это высокоуміе Мегемета къ миру? Гибель Петра была бы величіемъ для Карла, а человеческому сердцу не свойственно возвеличивать тѣхъ, которые насъ презираютъ. Вольтеръ, *Histoire de Pierre-le-Grand*.

Оттоманской арміи, до приведенія въ исполненіе всѣхъ условій договора.

Русская армія, не смотря на перемиріе, стояла за укрѣпленіями въ лагерѣ въ продолженіе трехъ сутокъ, ожидая окончательнаго заключенія мира. Въ теченіе этихъ трехъ сутокъ, войска жестоко страдали отъ недостатка въ продовольствіи, лошади также не имѣли никакого корма. Турки приближались къ Русскимъ и бросали имъ за рогатки хлѣбъ.

Узнавъ, что Турки требуютъ выдачи Кантемира, Императоръ скрылъ его въ одномъ изъ экипажей Императрицы. Никто, за исключеніемъ Гетмана Некульче и двухъ прислужниковъ, не зналъ, что съ нимъ случилось (1).

По заключеніи мира, Великій Визирь отрядилъ Чауша для наблюденія, чтобы Татарскіе корпуса не беспокоили арміи на ея пути (2).

Въ Четвертокъ 12 Іюля, Русскіе выступили изъ своихъ позицій съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами, но готовые къ атакѣ,

(1) Тогда-то на требованіе Турковъ выдать Кантемира Петръ Великій написалъ достопамятный отвѣтъ Шафирову, что онъ скорѣе согласится уступить половину Царства до самаго Курска, нежели нарушить данное слово.

(2) Брюсъ (стр. 53) показываетъ, что Карлъ XII, не успѣвъ ни въ чемъ у Великаго Визиря, склонялъ Татарскаго Хана къ нападенію на Русскую армію на ея пути, и что, для предупрежденія подобнаго коварства, Визирь далъ Петру Великому тридцать тысячъ Снаговъ, которые должны были сопровождать его до Днястра.

и направились по Яесской дорогѣ (1). Около полуночи они остановились на нѣсколько часовъ; съ разсвѣтомъ снова выступили и шли до двухъ часовъ по Турецкому счету (до девяти часовъ утра); тогда только перестали они окружать себя рогатками, изъ которыхъ каждую несли два солдата. Армія могла расшириться на просторѣ и напоить лошадей. Первымъ долгомъ Императора было—воздать благодаренія Всевышнему за счастливое избавленіе отъ опасности.

Говорятъ, что въ эту войну было убито тридцать тысячъ Русскихъ и сто двадцать тысячъ Турокъ (2).

Армія, во время отступленія своего, часто встрѣчала Турецкихъ бродягъ, которые выходили изъ лѣсовъ, увлекая въ рабство множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Молдаване, хотя часто отражаемые съ потерей, нападали тѣмъ не менѣе на нихъ, чтобы вырвать у нихъ изъ рукъ несчастныхъ плѣнниковъ. Напрасно Шереметевъ приказывалъ имъ удерживаться отъ всякихъ непріязненныхъ дѣйствій, потому что всѣ послѣдствія нарушенія мира падутъ на нихъ; закоренѣлая ненависть Молдаванъ къ Татарамъ и состраданіе къ соотечественникамъ пре-

(1) Петръ приказалъ бросить въ Прутъ багажъ свой, карету, нѣсколько возовъ съ аммуниціею и нѣсколько ящиковъ съ оружіемъ, чтобы облегчить движеніе. Николай Костинъ.

(2) Это число явно преувеличено. Другая Лѣтопись, писанная однимъ Валахомъ, имени котораго, не смотря на всѣ мои разысканія, не могъ я узнать, говоритъ гораздо вѣроятнѣе, что: «въ этой войнѣ Турки потеряли болѣе тридцати тысячъ человекъ, между тѣмъ какъ Русскіе лишились только около двухъ тысячъ».

возмогли надъ всѣми другими уваженіями. Одна часть войскъ Кантемира, служившая арміи авангардомъ, встрѣтила, при сліяніи Жижіи съ Прутомъ (Гура Жижій), корпусъ Татаръ, шедшій со стороны Яссы съ множествомъ плѣнниковъ. При этомъ зрѣлищѣ Молдаване не могли преодолѣть ненависти своей къ варварамъ; неожиданно бросились на нихъ и часть ихъ убили, а другую бросили въ рѣку, и такимъ образомъ освободили плѣнниковъ, между которыми находился Капитанъ Тудози Чигорапулъ. Онъ объявилъ, что другіе Татары, за заключеніемъ тѣхъ, которыхъ теперь разбили, не успѣли еще проникнуть въ городъ Яссы.

Эта вѣсть успокоила Молдаванъ на счетъ участи ихъ семействъ, и каждый располагался возвратиться домой. Кантемиръ также изъявилъ желаніе отправиться въ Яссы, чтобы взять Княгиню. Императоръ далъ ему для сопровожденія двѣсти солдатъ и уговорился съ нимъ встрѣтиться снова на берегу Прута.

При въѣздѣ Князя въ Яссы, въ Субботу 14 Юля, по захожденіи солнца, городъ былъ почти совершенно пустъ: всѣ разбѣжались отъ Турокъ. Онъ весьма затруднялся въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, не находя ни людей, ни необходимыхъ экипажей. Нѣсколько Турецкихъ купцовъ находились еще въ заточеніи въ темницахъ города; Молдаване, которые отобрали у нихъ все ихъ имущество, настаивали у Кантемира, чтобы предать ихъ смерти, говоря, что если эти Турки успѣютъ спастись, то никому изъ тѣхъ, которые ихъ ограбили, нельзя оставаться въ Молдавіи. Князь не согласился

на это. «Довольно того» — сказали онъ — «что они доведены до нищеты и испытали всѣ мученія голода и заточенія; хотя они и бусурмане, однакожь тѣмъ не менѣе невинны. Оставьте ихъ въ покоѣ»!

Пробывъ два дня въ столицѣ, Кантемиръ оставилъ ее навсегда, въ Понедѣльникъ 16 Іюля. Вступивъ за семь мѣсяцевъ и шесть дней предъ симъ (10 Декабря 1710 года) въ Яссы со всѣмъ величіемъ и торжествомъ владѣтельнаго Князя, онъ принужденъ былъ теперь бѣжать оттуда. Сопровождаемый Княгинею Кассандрою, онъ переѣхалъ Жижию въ Поприканахъ, постигъ въ Загаранчѣ Императора и въ свитѣ его переѣхалъ Прутъ въ Стефанштяхъ и Днѣстръ въ Могилевѣ. Кантемиръ царствовалъ въ Молдавіи семь мѣсяцевъ и двадцать восемь дней (съ 23 Ноября 1710 по 20 Іюня 1711) (*).

(*) Лѣтопись Николая Костина заключаетъ въ себѣ много занимательныхъ подробностей о послѣднихъ событіяхъ въ Молдавіи, по заключеніи Гушскаго (Прутскаго) мира, особенно же объ опустошеніяхъ края Татарами по приказанію Великаго Визиря. «Татары» — говоритъ онъ — «показались въ Яссахъ только въ Четвертокъ 12 Іюля, въ полдень; они тотчасъ захватили скотъ, который пашли въ Бухлуйской равнинѣ, и нѣсколько жителей предмѣстья Татарашу, которые, въ надеждѣ на Русскихъ, спокойно оставались въ своихъ домахъ. Двое Татаръ пробрались даже до Брошени, гдѣ находилось три тысячи возовъ съ продовольствіемъ при конвоѣ изъ нѣсколькихъ сотъ Русскихъ. Не смотря на малое число Татаръ, солдаты конвоя не хотѣли преслѣдовать ихъ, говоря, что не имѣютъ приказанія сражаться. Однакожь нѣсколько городскихъ жителей вооружились и успѣли захватить двухъ Татаръ, которыхъ и отвели въ эдаіе, занимаемое Русскими. Одиавъ Богъ спасъ Яссы. Ночью и днемъ шли проливные дожди, и только дурное время, по увѣренію самихъ илѣнниковъ, помѣшало Татарамъ вступить прежде

Нѣсколько Татарскихъ отрядовъ преслѣдовали Русскую армію до перехода ея чрезъ Днѣстръ и захватили нѣсколько человѣкъ изъ арріергарда. Полковники Иваненко и Танскій съ Молдавскими служителями (нерегулярное войско) бросились на Татаръ, умертвили многихъ изъ нихъ и взяли въ плѣнъ

въ столицу, для опустошенія которой достаточно было бы пятисотъ неприятелей.

«Великій Визирь, какъ рассказываетъ Постельникъ Максуть, бывший повѣреннымъ въ дѣлахъ Князя Кантемира и удержанный во время всего похода въ Турецкомъ лагерѣ, ожидалъ пять дней послѣ заключенія мира, чтобы нѣсколько Бояръ явились къ нему съ изъявленіемъ покорности края. Но никто не рѣшался на это: ибо весьма опасно было, въ столь смутное время, идти рисковать головою — даже въ надеждѣ получить Княжество, котораго, впрочемъ, тогда никто не домогался. Всѣ Бояры, оставившіе Русскій лагерь, спасались кто въ горы, кто въ лѣса, гдѣ скрывались уже ихъ семейства. Рассказываютъ, что въ эти пять дней бездѣйствія, нѣсколько верблюдо-воззатыхъ Великаго Визиря отправились для отысканія фуража къ селенію Барбоши, въ Фалчинскомъ Уѣздѣ; Молдаване, не знавшіе еще о заключеніи мира, напали на нихъ и нѣкоторыхъ убили, а другихъ ограбили. Балтаджи, раздраженный уже тѣмъ, что никто изъ Бояръ не пришелъ къ нему съ изъявленіемъ покорности, принесть въ ярость и дозволилъ Туркамъ и Татарамъ всякія неистовства въ Княжествѣ. Опустошеніе началось 16 Іюля, и вскорѣ вся Нижняя Молдавія была предана огню.

«Вскорѣ по заключеніи мира, и прежде нежели Татары начали грабительства, Димитрій Кантемиръ покинулъ тайнымъ образомъ, въ Среду вечеромъ, Русскій лагерь, потому что Турки требовали его выдачи, и выступилъ впереди арміи съ своими служителями. Прибывъ къ Рябой Могилѣ, онъ встрѣтилъ тамъ Татаръ, о которыхъ мы говорили, и которые возвращались изъ Яссы съ добычею и съ плѣнными. Молдаване атаковали ихъ и перебили многихъ. Татары оставили плѣнныхъ и всю добычу и обратились въ бѣгство; такимъ образомъ несчастные Христіане Верхней Молдавіи

шесть человекъ. Плѣнники приведены были къ Императору.

Перейдя эту рѣку, а слѣдовательно и Турецкую границу, Петръ Великій написалъ Великому Визирю, что если въ теченіе двѣнадцати дней Шведскій Король не выѣдетъ изъ Оттоманской Имперіи, то онъ, Императоръ, не признавая болѣе мирнаго договора, возобновить немедленно войну.

Г Л А В А IV.

Молдавскіе Болры, вышедшіе въ Россію. Генералъ Ренне оставляетъ Браиловъ. Петръ Великій въ Варшавѣ. Намѣреніе Императора возобновить войну. Апраксинъ отвращаетъ ее. Опасеніе Молдавіи содѣлаться Пашалыкомъ Куртпаша. Ворникъ Луну. Николай Маврокордато.

По переходѣ Русской арміи чрезъ Днѣстръ, Кантемиръ сдѣлалъ смотръ всѣмъ сопровождавшимъ

избѣгли рабства. Старожилы рассказываютъ, что это опустошеніе почти превзошло бывшее при Князѣ Василіи Албанцѣ, въ 1630 году. Несчастные крестьяне, узнавъ, что миръ уже заключенъ, начали въ полномъ спокойствіи заниматься жатвою; Татары, найдя ихъ разсѣянными въ поляхъ, безъ всякой защиты, не встрѣчали никакого препятствія забирать ихъ въ плѣнъ и опустошать ихъ жилища.

«Князь Кантемиръ вступилъ въ городъ Яссы въ Субботу 14 Іюля, при закатѣ солнца; онъ оставался тамъ Воскресенье, а въ Понедѣльникъ Іюля 16, узнавъ, что Россійскій Императоръ находится на берегахъ Прута выше Яссъ, выѣхалъ изъ столицы Княжества съ своимъ семействомъ и съ нѣкоторыми Боярами, его совѣтниками, чтобы присоединиться къ Русскимъ, которые перешли Днѣпръ въ Кіевѣ». Николай Костинъ.

его Молдаванамъ, и спросилъ ихъ, желаютъ ли они слѣдовать за нимъ въ Россію, или возвратятся въ свое отечество? Всѣ единогласно объявили, что готовы слѣдовать за нимъ всюду, куда онъ пожелаетъ. Тогда Князь сдѣлалъ списокъ всѣмъ Боярамъ и солдатамъ, объявившимъ эту готовность. Бояръ было двадцать четыре человекъ, именно:

Гетманъ Іоаннъ Некульче, Постельникъ Савинъ Смупцила, Вель-Пахарникъ (Оберъ-Шенкъ) Георгица, Вель-Ушеруль Георгій Арцестаркъ, Мареле-Комисъ (Оберъ-Шталмейстеръ) Павелъ Ругина, Сарьдаръ Могилда, Ворникъ Деспре-Домне (Готмаршалъ Княгини) Іоаннъ Абаза, Ага Димитріу, Полковникъ Іоаннъ Миреску, Вель Капитанъ Іоаннъ Банаръ, Капитанъ Трабантовъ Брага, Жикничеръ Моцокъ, Ватавъ де-Копли (Интендантъ стражи) Іоаннъ Черуль, Постельникъ Ноуръ Черуль, Стольникъ Микика, Камарашу (Камергеръ) Антиохъ, Медельничеръ Константинъ Перкалабъ, Башбулубаша Дима, Капитанъ Цпита, Капитаны братья Апостолъ, Оедоръ и Павелъ Миреску (*).

Кантемиръ представилъ этотъ списокъ Императору, который, подписавъ, возвратилъ его Князю и приказалъ выдать ему двѣ тысячи рублей на путевыя издержки. Онъ назначилъ Князю для жительства Харьковъ, въ Украинѣ, и повелѣлъ Губер-

(*) Николай Костинъ говоритъ, что, кромѣ этихъ Бояръ, Вестіаръ Стефанъ Лука и Великій Стольникъ Саудо Стурдза послѣдовали за Кантемиромъ въ Россію; но, кажется, что оба эти Бояра были въ числѣ тѣхъ, которые покинули бывшего своего Князя, когда онъ поселился въ Харьковѣ. Когольничанъ.

натору Апраксину сдѣлать надлежащія приготовленія для его пріема; къ довершенію же милости своей, Императоръ далъ Кантемиру двѣсти драгуновъ, которые должны были сопровождать его до мѣста назначенія (*).

Императоръ повелѣлъ Генералу Ренне и Оомѣ Кантакузину очистить Браиловъ и возвратиться въ Россію.

Оома Кантакузинъ отправился сначала въ Венгрію, чтобы привести въ порядокъ находившееся тамъ имѣніе свое, и оттуда поѣхалъ къ Императору, въ сопровожденіи нѣсколькихъ Валаховъ. Онъ пожалованъ былъ въ Генералы, съ годовымъ жалованьемъ пяти тысячъ рублей. Осыпанный благодареніями Петра Великаго, отъ котораго получилъ въ даръ нѣсколько деревень, онъ призвалъ къ себѣ жену свою и провелъ остатокъ жизни въ Россіи.

(*) «Царь, въ присутствіи своемъ въ Могилевѣ, 1 Августа 1711, пожаловалъ Кантемиру грамоты, которыми обѣщалъ вознаградить его и другихъ Молдавскихъ Бояръ за понесенныя ими потери и дать имъ убѣжище въ своихъ владѣніяхъ. Этими грамотами Димитрій, со всѣмъ нисходящимъ родомъ, пожалованъ былъ въ Князья Россійской Имперіи съ титуломъ Свѣтлѣйшаго и объявленъ свободнымъ отъ всякаго суда, съ зависимостью только отъ самаго Царя. Молдаване, которые захотѣли бы поселиться въ Россіи, поставлены въ зависимость отъ одного Князя Кантемира. Итакъ Димитрій Кантемиръ послѣдовалъ за Царемъ и со всѣмъ семействомъ своимъ покинулъ Яссы. Болѣе тысячи Молдавскихъ Дворянъ, между которыми было много Офицеровъ, отказались отъ своего отечества изъ любви къ нему. Харьковъ въ Украинѣ былъ назначенъ имъ для жительства. Туда и удался Князь со всѣми раздѣлявшими его участь». Ист. Оттом. Имп. Т. 4, стр. 476.

Генералъ Ренне, оставя съ войскомъ своимъ Браиловъ, направился чрезъ Верхнюю Молдавію, вдоль по Сирету; перешелъ Прутъ въ Черновцахъ, Днѣстръ въ Хотинъ и соединился съ армію въ Полотъ (*).

Императоръ, оставивъ Шереметева въ Каменецъ, отправился съ Императрицею въ Варшаву, гдѣ Король Августъ далъ въ честь его большой праздникъ, къ которому пригласилъ многихъ Польскихъ Магнатовъ, и между прочимъ Генерала Адама Синявскаго съ супругою его. Дама эта сказала, шутя, Петру Великому; «Я, право, не знаю, что думать про обѣщанія: Карлъ XII обѣщалъ Польскимъ дамамъ дать зимніе праздники въ столицѣ Россіи; и въ то самое время, какъ мы собирались уже въ дорогу, обманулъ насъ и убѣжалъ въ Бендеры. Вы также, Государь, обѣщали вести насъ въ Константинополь; мы радовались уже, что увидимъ этотъ прекрасный городъ, какъ вдругъ Ваше Величество возвращаетесь, не приблизившись даже къ Константинополю!»! Императоръ со всеми присутствующими улыбнулся этой шуткѣ. «Если бы вы были не госпожа Синявская, — возразилъ онъ, — а Генералъ Синявскій, то съ вами я, безъ

(*) Гетманъ Іоаничъ Некульче, послѣдовавъ за Кантемиромъ въ Россію, говоритъ только поверхностно о событіяхъ, случившихся въ Молдавіи по выѣздѣ его. Николай же Костинъ, оставшись въ краѣ, описываетъ, какъ очевидецъ, сильными чертами бѣдствія, постигнувшія его отечество, и въ особенности разореніе городовъ Галаца и Берлада. Въ первомъ городѣ разорена между прочимъ въ монастырѣ Св. Георгія и гробница Мазены, который умеръ въ Мартѣ 1710 г., въ Бендерахъ, откуда тогда же перевезено было его тѣло.

сомнѣнія, давно былъ бы въ Константинополѣ; но супругъ вашъ замедлилъ присылкою Польскихъ вспомогательныхъ войскъ, и онъ причиною тому, что предпріятіе мое не удалось».

Отдохнувъ нѣсколько времени въ Варшавѣ, Петръ Великій отправился въ Ригу, гдѣ находился Меншиковъ съ другою арміею, откуда Императоръ поѣхалъ въ С. Петербургъ (*).

Шереметевъ и Димитрій Кантемиръ, со всею Русскою арміею, шли вмѣстѣ отъ Могилева до Шаргорода; здѣсь Шереметевъ отдѣлился и направился чрезъ Польшу въ Полону, откуда вывелъ Русскій гарнизонъ и вывезъ находившіеся тамъ аммуницію и припасы. За тѣмъ онъ приказалъ всеѣмъ жителямъ городовъ и селъ въ Украинѣ перейти Днѣпръ, и, поселивъ ихъ на Русской сторонѣ, расположился съ арміею на зимнихъ квартирахъ въ землѣ Казаковъ.

Димитрій Кантемиръ, на пути изъ Шаргорода въ Кіевъ, подвергался большой опасности: до тысячи Запорожскихъ Казаковъ и нѣсколько Татарскихъ отрядовъ пустились его преслѣдовать и настигли было его у Бѣлой Церкви; они находились уже отъ него не болѣе, какъ на разстояніи четверти часа.

Бывшій Молдавскій Князь, отдохнувъ двѣ недели въ Кіевѣ, отправился со всею свитою своею въ Харьковъ.

(*) Нашъ Лѣтописецъ не упоминаетъ о путешествіи Петра Великаго осенью 1711 г., въ Германію и именно въ Карлсбадъ, гдѣ онъ пользовался водами для поправленія здоровья, разстроеннаго отъ тяжкихъ трудовъ. Прям. Когольничава.

Императоръ подарилъ Кантемиру тысячу дворовъ въ Великой Россіи, а не въ Харьковѣ, какъ того желалъ Князь; онъ далъ ему также аренду въ семь тысячъ рублей въ годъ, и два большіе дома, одинъ въ Москвѣ, а другой въ С. Петербургѣ. Молдавскіе Бояре, вышедшіе въ Россію, получили также отъ щедротъ Петра Великаго тринадцать деревень въ окрестностяхъ Харькова. Многіе поселились тамъ навсегда; нѣкоторые же, пожелавъ увидѣть свое отечество, получили на то позволеніе Императора и спокойно возвратились въ Молдавію.

Когда войска уже расположились на зимнихъ квартирахъ, Петръ Великій приказалъ Шереметеву и главнѣйшимъ Начальникамъ Губерній прибыть въ Петербургъ; Димитрій Кантемиръ былъ также туда призванъ. Когда большая часть приглашенныхъ съѣхалась, Императоръ предложилъ этому чрезвычайному Совѣту вопросъ: должно ли хранить мирный договоръ, заключенный съ Турціею, или возобновить непріязненные дѣйствія.

Совѣтъ былъ единогласно того мнѣнія, что миръ заключенъ былъ слишкомъ поспѣшно, и что потому слѣдуетъ вновь открыть кампанію съ наступленіемъ весны; что сдѣланные неосторожности и ошибки не могутъ возобновиться и что, впрочемъ, Имперія имѣетъ достаточно денегъ и войска, чтобы поддержать войну въ продолженіе двадцати лѣтъ, не входя для того въ долги.¹ Императоръ, одобливъ это мнѣніе, принялъ немедленно необходимыя мѣры для возобновленія похода съ полнымъ успѣхомъ. Онъ приказалъ сдѣлать всеобщій рекрутскій

наборъ, по одному человѣку съ тридцати домовъ или семействъ, дабы увеличить военныя силы свои пятьюдесятью тысячами солдатъ. Между тѣмъ какъ армія готовилась къ походу, чтобы выступить по направленію къ Дону, онъ приказалъ раздать пѣхотнымъ войскамъ ружья, которыя были еще нѣсколько длиннѣе Янычарскихъ пищадей; пѣхота получила также остроконечныя и обоюдоострыя шпаги. Войскамъ розданы были жестяныя фляжки (bidon), которыя могли вмѣщать въ себѣ болѣе трехъ фунтовъ воды, дабы люди не терпѣли столько отъ жажды, какъ въ Станищедахъ. Императоръ и Сенатъ рѣшили также, чтобы Князь Кантемиръ выступилъ первый съ арміею изъ сорока тысячъ драгунъ, сорока тысячъ Калмыковъ, тридцати тысячъ Донскихъ всадниковъ и сорока тысячъ Казаковъ, подъ начальствомъ ихъ Гетмана. Эта армія должна была проникнуть неожиданно въ Крымъ, предать тамъ все мечу и пламени, въ ожиданіи пѣхоты, долженствовавшей прибыть для осады крѣпостей.

Уже начинали отправлять военные снаряды, уже все готовы были къ выступленію въ походъ, какъ Шереметеву и Апраксину удалось отклонить Императора отъ всякаго непріязненнаго намѣренія противъ Турціи. Фельдмаршалъ Шереметевъ прибылъ въ С. Петербургъ, когда Совѣтъ уже рѣшилъ возобновить войну; тѣмъ не менѣе онъ настаивалъ предъ важнѣйшими Сенаторами, чтобы они убѣдили Императора хранить миръ съ Портою; Шереметевъ былъ увѣренъ, что, въ случаѣ возобновленія непріязненныхъ дѣйствій между обѣими Державами, онъ потеряетъ сына своего, который былъ Посланнымъ

комъ въ Цареградѣ. Узнавъ намѣренія Фельдмаршала, Петръ Великій призвалъ его къ себѣ, и, сдѣлавъ ему самыя горькія упреки, напомнилъ при этомъ случаѣ, съ какою медленностію, при открытіи прошедшей кампаніи, онъ исполнялъ его повелѣнія, по которымъ ему слѣдовало войти немедленно въ Молдавію съ полками Преображенскимъ и Семеновскимъ, состоявшими изъ двѣнадцати тысячъ человѣкъ, и съ войсками Кантемира, оттуда поспѣшно направиться къ Дунаю, истребить тамъ мостъ, построенный Турками, и наблюдать за Великимъ Визиремъ, пока Императоръ успѣетъ прійти съ остальными войсками. Если бы эта мѣра была приведена въ исполненіе, то Бальтаджи не успѣлъ бы прошикнуть въ Молдавію, и Прутскій походъ имѣлъ бы совершенно другую развязку.

Между тѣмъ дядя Императора, Графъ Апраксинъ, Губернаторъ Азова, также прибылъ въ С. Петербургъ. На вопросъ, сдѣланный ему Сенатомъ о мнѣніи его на счетъ принятаго уже намѣренія возобновить войну, онъ отвѣчалъ, что нисколько не раздѣляетъ мнѣнія большинства; что весьма не благоразумно вести въ одно время войну съ тремя Державами: съ Швеціею, съ которою сражаются уже нѣсколько лѣтъ, съ Польшею, которая ожидаетъ малѣйшаго повода, чтобы объявить себя противъ Россіи, и наконецъ съ Турціею, противъ которой намѣреваются возобновить непріязненности. Итакъ, по мнѣнію его, слѣдуетъ сохранить мирный договоръ, заключенный съ Портою, по крайней мѣрѣ до возвращенія Карла XII въ его владѣнія. Тогда надлежитъ заключить

прочный миръ съ Швеціею, а слѣдовательно и съ Польшею; и только окончивъ эту распрю и освободивъ Россійскихъ заложниковъ изъ Константинополя, слѣдуетъ предпринять новую кампанію противъ Турціи; всякая другая мѣра будетъ въ исполненіи своемъ сопряжена съ большими опасностями. Савва Рагузинскій принялъ сторону Апраксина. Сенатъ представилъ это новое мнѣніе Императору, который одобрилъ его. Такимъ образомъ на нѣкоторое время перестали помышлять о войнѣ съ Оттоманскою Имперіею (*).

Оставивъ на время всякое непріязненное намѣреніе противъ Турціи, Петръ Великій занялся тѣмъ усердіемъ приведеніемъ въ исполненіе другаго намѣренія своего—изгнать Шведовъ изъ всѣхъ владѣній ихъ, находившихся вѣ Скандинавскаго полуострова. Въ 1713 году назначенъ былъ десантъ въ Финляндію. 26 Апрѣля Императоръ, въ качествѣ Контръ-Адмирала, перешелъ въ С. Петербургъ на вооруженную для сего флотилію, и въ Маѣ мѣсяцѣ,

(*) Достоверно, что Петръ Великій никогда не могъ отказаться отъ мысли объявить другую войну Турціи. И дѣйствительно, мы видимъ изъ историческихъ, политическихъ и военныхъ записокъ Манштейна, что Императоръ, незадолго до смерти своей, приказалъ устроить большіе магазины на Дону, собрать въ Воронежѣ, въ Ново-Павловскѣ и въ другихъ пограничныхъ мѣстахъ, большое количество матеріаловъ для постройки плоскодонныхъ судовъ, болѣе другихъ удобныхъ для плаванія по Днѣпру и Дону, и заготовить множество оружія, военныхъ снарядовъ и аккумуляцій: однимъ словомъ, все было готово къ открытію кампаніи, какъ вдругъ смерть остановила исполненіе всѣхъ его плановъ. Прим. Когольничава.

Або, главный городъ провинціи, былъ уже покоренъ. Такъ какъ важнѣйшее предпріятіе въ Финляндіи было уже совершено, то Петръ Великій, поручивъ Князю Александру Даниловичу Меншикову охраненіе Россійскихъ границъ отъ Шведовъ и дальнѣйшія дѣйствія въ Помераніи, возвратился въ свой любимый городъ. Оттуда отправилъ онъ въ Кіевъ, Фельдмаршала Шереметева, которому далъ двадцать тысячъ Калмыковъ и Казаковъ, оставивъ на произволъ его условія для возвращенія въ Отечество сына его.

Но возвратимся къ Исторіи Молдавіи. По отступленіи Русскихъ, Великій Визирь пробылъ еще нѣсколько времени въ Стапиещахъ, дабы привести въ порядокъ дѣла Княжества. Во-первыхъ, онъ отправилъ въ Яссы Куртъ-Пашу, для обнародованія тамъ фирмана о всеобщемъ помилованіи; затѣмъ приказалъ Ворнику-Лупу, который находился въ Береучи, явиться въ Оттоманскій лагерь и отправилъ также во всѣ стороны, особенно же къ переходамъ Прута, гдѣ находились броды, Султанскихъ Коммиссаровъ, съ порученіемъ освобождать Молдавскихъ плѣнниковъ, которыхъ Татары увлекли въ плѣнъ. Окончивъ эти дѣла, онъ медленно направился въ Царьградъ.

Куртъ-Паша, вскорѣ по прибытіи своемъ въ Яссы, присвоилъ себѣ права Государа; онъ расположился въ Княжескомъ дворцѣ, и раздавалъ даже дворянскіе чины по примѣру Князей; такимъ образомъ пожаловалъ онъ Дарія Донисча въ Великіе Гетманы, а Грека Буджачію въ Великіе Постельни-

ки. Онъ старался выказывать всѣ добродѣтели и былъ со всѣми ласковъ, въ надеждѣ, что край будетъ требовать его въ Князя; но ожиданіе его было напрасно.

Ворникъ-Лупу прибылъ въ Оттоманскій лагерь и перенесъ отъ Великаго Визиря самыя жестокіе упреки за измѣну Молдавіи. Лупу отвѣчалъ, что ни Бояре, ни народъ не измѣнили Султану, и что вина всего случившагося должна быть отнесена не къ Молдавіи, а къ самой Портѣ: «Она»—сказалъ онъ—«свергаетъ съ престола, безъ вѣдома Бояръ и народа, добродѣтельныхъ и опытныхъ Князей; она же присылаетъ намъ Господарей, которыхъ мы даже и не знаемъ. Вооруженные саблею, дарованною имъ Султаномъ, они, какъ неограниченные Монархи, употребляютъ власть свою и дѣлаютъ все, что имъ угодно, не слушая мнѣнія своего Совѣта. Такъ и случилось съ Димитріемъ Кантемиромъ, который, будучи назначенъ Княземъ безъ нашего вѣдома, распоряжался какъ хотѣлъ, не совѣтовавшись съ нами. Нѣкогда Бояре и народъ имѣли право сами избирать себѣ Государей, а Порта обязана была утверждать этотъ выборъ. Это право исчезло, а съ нимъ исчезла и отвѣтственность наша». Великій Визирь не могъ ничего отвѣчать на эту рѣчь: онъ видѣлъ, что Бояръ правъ. Бальтаджи наградиъ Лупу почетною мантиею и поручилъ ему, до назначенія новаго Князя, управленіе Княжествомъ, вмѣстѣ съ Постельникомъ Максутомъ, который находился въ Оттоманскомъ лагерѣ въ продолженіе военныхъ дѣйствій; чрезъ этихъ самыхъ Бояръ отправилъ онъ Куртъ-Пашѣ приказаніе оставить Яссы и явиться въ ар-

мію. Ворникъ—Лупу и Постельникъ Максуть, прибывъ въ Фрумозу, въ виду столицы, отправили къ Куртъ—Пашѣ повелѣніе Великаго Визиря, которымъ приказывалось ему сдать управленіе, только временно ему порученное. Куртъ—Паша, надѣясь получить отвѣтъ на просьбу свою, отправленную Визирю, которою испрашивалъ для себя *Яскій Пашалыкъ*, отказался исполнить приказаніе. Каймаканы вторично пригласили его оставить городъ, угрожая, въ случаѣ новаго отказа, возвратиться въ Турецкій лагерь и принести жалобу Великому Визирю: потому что, говорили они, имъ нуженъ не Паша, а Князь, по прежнимъ обычаямъ края. Куртъ—Паша уступилъ на этотъ разъ: онъ вышелъ изъ Яссы съ своею свитою и отправился въ армію. Каймаканы вступили тогда въ городъ; но едва успѣли принять бразды правленія, какъ начали притѣснять Молдаванъ, сражавшихся въ рядахъ Русскихъ, подтѣмъ предлогомъ, что они грабили Турокъ. Этого еще было недостаточно: они обложили противозаконною податью купцевъ и гражданъ, и кромѣ того заставляли платить себѣ по два піастра съ каждаго крестьянина, между тѣмъ какъ несчастные Молдаване едва не умирали съ голоду, по причинѣ большаго неурожая. Великій Визирь, который еще не перешелъ за Дунай, узнавъ о такомъ положеніи дѣлъ, немедленно отправилъ въ Яссы Іоанна Маврокордато, Перваго Драгомана Порты, для управленія краемъ, въ ожиданіи прибытія Николая Маврокордато, котораго онъ предложилъ Султану назначить Княземъ Молдавіи, какъ достойнѣйшаго. Одинъ Капиджи—Паша сопровождалъ Іоанна Мавро-

кордато ; этотъ Коммиссаръ, по прибытіи своемъ въ Яссы, арестовалъ Ворника-Лупу , Постельника Максута и Гетмана Жору, сковалъ имъ цѣпями ноги и руки, и за строгимъ конвоемъ отправилъ ихъ въ Варну, откуда они были освобождены только въ княженіе Николая Маврокордато, который назначенъ Княземъ Молдавіи 25 Сентября 1711 года.

Н. Г.

2007044050